

Борис Виан.

Я ПРИДУ ПЛЮНУТЬ НА ВАШИ МОГИЛЫ.

Вернон Салливан.

Я ПРИДУ ПЛЮНУТЬ НА ВАШИ МОГИЛЫ.

J'irai cracher sur vos tombes (1946).

1993.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Где-то в июле 1946 года Жан д'Аллюэн встретил Салливана на каком-то франко-американском собрании. Через два дня Салливан принес ему свою рукопись.

Тогда же он сказал, что считает себя скорее чёрным, нежели белым, хотя и перешагнул за разделяющую их черту; известно, что каждый год многие тысячи «чёрных» (признаваемых таковыми законом) исчезают из листов переписи и переходят в противоположный лагерь; это внушало Салливану некое презрение к «хорошим чёрным», кого белые с подчеркнутой теплотой похлопывают по плечу в литературе. Он придерживался мнения, что можно вообразить себе и даже встретить чёрных, которые так же жестоки, как и белые. Это он и хотел самолично доказать в этом коротком романе, на который Жан д'Аллюэн приобрел права сразу, как только ознакомился с ним благодаря посредничеству друга. Салливан не колеблясь оставил свою рукопись во Франции, тем более, что его контакты с американцами только что доказали тщетность любой попытки публикации романа в его родной стране.

Здесь у нас моралисты, которые всем хорошо известны, упрекнул некоторые страницы в их... чрезмерном реализме. Нам кажется интересным подчеркнуть основополагающие различия между этими страницами и рассказами Миллера; сей последний, не колеблясь, прибегает к весьма резвому

лексикону; напротив, создается впечатление, что Салливан скорее хочет подвести читателя к желаемому впечатлению путем употребления оборотов речи и языковых конструкций, а не прибегает к использованию крепких выражений; в этом плане он скорее близок к латинской эротической традиции.

С другой стороны, на этих страницах четко прослеживается влияние Кейна (хотя их автор и не старается оправдать путем уловки, или отсылая к найденной рукописи, или ещё как-то употребление первого лица, тогда как названный романист провозглашает необходимость обращения к первому лицу в забавном предисловии к книге «Трое подобных» — сборника, состоящего из трех коротких романов, объединенных под одной обложкой и переведенных у нас Сабиной Берриц) и также многочисленных романов Чейза и других сторонников ужасов в литературе. И в этом плане, надо признать, Салливан более явственно проявляет себя как садист по сравнению со своими знаменитыми предшественниками; ничего удивительного, что его произведения отказались печатать в Америке: можем биться об заклад, что его запретят там на следующий же день после публикации. Что же касается самой его сути, надо видеть в этом романе проявление стремления к мести у расы, которую, что бы там ни говорили, и по сей день подвергают глумлению и терроризируют; это нечто вроде попытки экзорцизма по отношению к превосходству «настоящих» белых, так же человек эпохи неолита рисовал бизонов, пораженных стрелами, чтобы завлечь свою добычу в западню; это и весьма заметное пренебрежение правдоподобием и

уступками вкусу публики. Увы, Америка — страна обетованная, это также и избранная страна пуритан, алкоголиков и «задолбите-это-себе-на-носу»: если во Франции стремятся к предельной оригинальности, то по другую сторону Атлантики не испытывают ни малейшей неловкости, эксплуатируя без зазрения совести зарекомендовавшую себя форму. Господи ты Боже мой, это способ не хуже других сбыть с рук товар...

Борис Виан.

• • •

Глава I.

Никто не знал меня в Бактоне. Клем потому и выбрал этот город; да к тому же, даже если бы я сдрейфил и передумал, мне не хватило бы бензина, чтобы продолжать путь дальше на север. Только-только пять литров. Вместе с моим долларом и письмом Клема это было всё, чем я обладал. О чемодане говорить не будем. О том, что в нем лежало. Да, забыл: в багажнике машины у меня лежал небольшой револьвер малыша, злополучный дешёвый револьвер калибра 6,35; он ещё лежал в его кармане, когда шериф пришёл к нам, чтобы сказать, что мы должны забрать тело и похоронить его. Должен сказать, что я больше рассчитывал на письмо Клема, чем на всё остальное. Это должно было получиться; нужно было, чтобы это получилось. Я смотрел на свои руки на руле, на свои пальцы, на свои ногти. В самом деле, никто не мог бы придраться. С этой стороны никакого риска. Может быть, я из этого выкарабкаюсь...

Мой брат Том познакомился с Клемом в университете. Клем вел себя с ним не так, как другие студенты. Он с удовольствием разговаривал с ним, они выпивали вместе, вместе прогуливались в кадиллаке Клема. Именно благодаря Клему терпели Тома. Когда он уехал, чтобы заменить своего отца на посту главы фабрики, Том тоже стал подумывать об отъезде. Он вернулся к нам. Он многому научился и без труда получил пост учителя в новой школе. А потом — история с малышом, и всё пошло прахом. Я-то был достаточно лицемерен, чтобы ничего не

сказать, а вот малыш — нет. Он не видел в этом ничего дурного. Отец и брат девушки занялись им.

Так появилось письмо моего брата Клему. Я больше не мог оставаться в этих краях, и он просил Клема подыскать для меня что-нибудь. Не очень далеко, чтобы он мог меня видеть время от времени, но достаточно далеко, чтобы никто нас не знал. Он думал, что с моим лицом и моим характером мы абсолютно ничем не рискуем. Он, может быть, был прав, но я, однако, вспоминал малыша.

Управляющий книжным магазином в Бактоне — такова была моя новая работа. Я должен был связаться с предыдущим управляющим и войти в курс дела в течение трех дней. Он шёл на повышение и хотел пустить шороху на своем пути. Было солнечно. Улица теперь называлась Пёрл-Харбор Стрит. Возможно, Клем этого не знал. Старое название тоже можно было прочесть на табличках. Под номером 270 я увидел магазин и остановил свой нэш перед дверью. Управляющий, сидя за кассой, списывал цифры в реестр; это был мужчина средних лет, с бледными светлыми волосами и суровым взглядом голубых глаз, насколько я мог рассмотреть, открывая дверь. Я поздоровался с ним.

— Здравствуйте. Что вам угодно?

— У меня для вас письмо.

— А! Так это вас я должен ввести в курс дела. Покажите-ка это письмо.

Он взял его, прочел, повертел и вернул мне.

— Это несложно, — сказал он. — Вот склад, — он кругообразно повел рукой. — Счета будут готовы сегодня вечером. Что касается продажи, рекламы и прочего, следуйте указаниям инспекторов фирмы и тем, что будут в бумагах, которые вы будете получать.

— Это — цепь книжных лавок?

— Да. Филиалы.

— Так, — сказал я, — что раскупается лучше всего?

— О! Романы. Плохие романы, но это нас не касается. Неплохо идут религиозные книги, а также школьные учебники. Не очень много покупают книг для детей и не больше — серьёзных книг. Я никогда не старался развивать торговлю в этом направлении.

— Религиозные книги — для вас несерьёзные?

Он провел языком по губам.

— Не заставляйте меня говорить то, чего я не говорил.

Я от души рассмеялся.

— Не принимайте всерьёз, я тоже об этом много не раздумываю.

— Что ж, я дам вам совет. Пусть люди об этом не знают, и каждое воскресенье отправляйтесь послушать пастора, в противном случае они вас быстренько спровадят.

— О! Хорошо, — сказал я. — Буду слушать пастора.

— Держите, — сказал он, протягивая мне листок. — Проверьте это. Это счета за последний месяц. Всё очень

просто. Мы получаем все книги из главной конторы фирмы. Надо только отмечать все поступления и движение к покупателю в трех экземплярах. Они приезжают за выручкой каждые две недели. Зарплату получаете чеком, с небольшими процентами.

— Дайте-ка мне это, — сказал я.

Я взял листок и уселся на низкий прилавок, на котором громоздились книги, снятые с полок покупателями, — он их, наверно, не успел поставить на место.

— Чем можно заняться в этих краях? — спросил я его затем.

— Ничем, — сказал он. — В аптеке напротив бывают девицы, а у Рикардо — бурбон, это в двух кварталах отсюда.

Манеры у него были резкие, но он не был неприятен.

— Сколько времени вы уже здесь?

— Пять лет, — сказал он. — Ещё пять лет тянуть.

— А потом?

— Вы любопытны.

— Это вы виноваты. Зачем вы сказали — ещё пять? Я вас об этом не спрашивал.

Линия его рта смягчилась, а глаза сощурились.

— Вы правы. Что ж, ещё пять лет — и я покончу с работой.

— Чтобы заняться чем?

— Писать, — сказал он. — Писать бестселлеры. Только бестселлеры. Исторические романы; романы, где негры будут спать с белыми женщинами и их не линчуют; романы, в которых чистым молодым девушкам удастся сохранить невинность среди отвратительного сброда пригородов.

Он ухмыльнулся.

— Бестселлеры, вот как! И потом, романы предельно смелые и оригинальные. В этой стране легко быть смелым; стоит лишь сказать то, что все могут видеть, если возьмут на себя труд посмотреть.

— Вам это удастся, — сказал я.

— Конечно, мне это удастся. У меня их уже шесть готово.

— Вы ни разу не попытались их пристроить?

— Я ведь не друг и не подружка издателя, и у меня нет таких денег, чтобы можно было их потратить на это дело.

— И что же?

— А то, что через пять лет у меня будет достаточно денег.

— Вам это непременно удастся, — произнес я в заключение.

В течение последующих двух дней дел было достаточно, несмотря на то, что работа в магазине действительно была налажена очень просто. Надо было родить списки заявок на книги, и потом Хансен — так звали управляющего — снабдил меня различными сведениями о клиентах, определенное число которых регулярно заходило к нему

поговорить о литературе. Их знания о литературе ограничивались тем, что они могли почерпнуть из «Сатердэй Ревью» или литературной странички в местной газете, тираж которой достигал шестидесяти тысяч. Пока что я ограничился тем, что слушал, как они беседуют с Хансеном, стараясь запомнить их имена и удержать в памяти лица, потому что в книжной лавке очень большое значение, чем в других магазинах, имеет ваша способность обратиться к покупателю по имени, как только он переступил порог.

Что касается жилья, я уладил всё благодаря ему. Я въеду в двухкомнатную квартиру, которую он занимал, — она располагалась как раз над аптекой напротив лавки. Он ссудил меня несколькими долларами на те три дня, что мне надо было прожить в гостинице, и был столь любезен, что предлагал мне разделить его трапезу дважды из трех раз, помогая мне таким образом избежать необходимости увеличивать мой долг ему. Это был шикарный тип. Меня очень расстроила эта его история с бестселлерами; бестселлеры вот так вот не пишутся, даже если у вас завелись деньги. Может быть, у него был талант. Я очень надеялся на это — ради него.

На третий день он повел меня к Рикардо выпить рюмку перед обедом. Было десять часов, он должен был уехать во второй половине дня.

Это должен был быть наш последний обед вдвоем. Потом я останусь один на один с клиентами, один на один с городом. Надо было, чтобы я это выдержал. Мне уже повезло, что я встретил Хансена. Со своим единственным

долларом я смог бы прожить три дня, продавая разные мелочи, но так я продержался отлично. Я начинал новую жизнь удачно.

Заведение Рикардо было обычное, опрятное, противное место. Здесь пахло жареным луком и пончиками. Какой-то тип за стойкой рассеянно почитывал газету.

— Вам что подать? — спросил он.

— Два бурбона, — скомандовал Хансен, вопросительно взглянув на меня.

Я утвердительно кивнул.

Официант подал нам виски в больших стаканах, со льдом и соломинками.

— Я всегда пью его так, — объяснил Хансен. — Вы не обязаны...

— Порядок, — сказал я.

Если вы никогда не пили бурбон со льдом через тонкую соломинку, то не можете знать, какое действие он производит. Это словно поток огня, изливающийся в ваше небо. Мягкого огня; это ужасно.

— Отлично! — сказал я с одобрением. Глаза мои встретились с моим лицом в зеркале. Вид у меня был совершенно обалделый. В течение какого-то времени я совсем не пил. Хансен рассмеялся.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — К несчастью, к этому быстро привыкаешь. Итак, — продолжал он, — надо будет

приучить к моим вкусам официанта ближайшего заведения, куда я буду ходить на водопой...

— Мне жаль, что вы уезжаете, — сказал я.

Он рассмеялся.

— Если бы я остался, то вас здесь не было бы!.. Нет, — продолжал он, — лучше мне уехать. Больше пяти лет, проклятье!

Он одним глотком допил свой стакан и заказал второй.

— О, вы к этому быстро привыкнете. — Он окинул меня взглядом с головы до ног. — Вы симпатичный парень. Есть в вас нечто, чего сразу не поймешь. Ваш голос.

Я улыбнулся, не ответив ему. Это был ужасный тип.

— У вас слишком глубокий голос. Вы не певец?

— О, пою иногда, чтобы позабавить самого себя.

Теперь я больше не пел. Раньше — да, до истории с малышом. Я пел и аккомпанировал себе на гитаре. Я пел блюзы Хэнди и старые мелодии Нью-Орлеана, и другие, которые я сочинял на своей гитаре, но больше мне не хотелось играть на гитаре. Мне нужны были деньги. Много. Чтобы потом иметь остальное.

— С таким голосом все женщины будут ваши, — сказал Хансен.

Я пожал плечами.

— Это вас не интересует?

Он хлопнул меня по спине.

— Вы прогуляйтесь вокруг аптеки. Там их всех и найдете. У них в городе клуб. Клуб девчонок-подростков. Ну, знаете, таких, которые носят красные носки и полосатые свитера и пишут письма Френки Синатре. Аптека — это у них вроде генштаб. Да вы, наверное, их уже видели? Да нет, вы и вправду почти все дни проводили в магазине.

Я тоже взял ещё один бурбон. Это циркулировало где-то глубоко по моим рукам, ногам, по всему моему телу. Там у нас не хватало девчонок-подростков. И мне так их захотелось. Пятнадцатилетние малышки с торчащими под облегающими свитерами грудями; они это хорошо знают, шлюшки, и делают так специально. И носки. Ярко-жёлтые или ярко-зелёные носки, так прямо поднимающиеся из туфель без каблука; и пышные юбки, и круглые коленки; и всегда усаживаются на земле, так скрестив ноги, что видны белые трусики. Так, мне они нравились, девчонки-подростки. Хансен смотрел на меня.

— Они все согласны, — сказал он. — Вы немногим рискуете. Они знают кучу мест, куда вас можно повести.

— Не считайте меня свиньей, — сказал я.

— Да нет! — сказал он. — Я хотел сказать — повести вас потанцевать и выпить. Он улыбнулся. У меня, без сомнения, был заинтересованный вид.

— Они забавны, — сказал он. — Они придут в магазин взглянуть на вас.

— Что им делать в магазине?

— Они будут покупать у вас фотографии актеров и, как будто случайно, все книги по психоанализу. Медицинские книги, хочу я сказать. Они все изучают медицину.

— Что ж, — пробурчал я. — Посмотрим.

Я, наверное, достаточно хорошо изобразил безразличие на сей раз, потому что Хансен заговорил о чем-то другом. А потом мы пообедали и что-то около двух часов он уехал. Я остался стоять один перед лавкой.

Глава II.

Думаю, я прожил там уже две недели, когда начал скучать. Всё это время я не покидал магазин. Торговля шла хорошо. Книги раскупались хорошо; что касается рекламы, всё делалось заранее. Фирма присылала каждую неделю вместе с пакетом, пополняющим запасы книг, иллюстрированные листки или складные проспекты, которые надо было помещать на хорошее место на витрине, под соответствующей книгой или просто на виду. В трех четвертях случаев мне достаточно было прочесть коммерческую аннотацию, открыть книгу на четырёх-пяти страницах в разных местах, чтобы иметь совершенно исчерпывающее представление о её содержании — совершенно достаточное, по крайней мере, чтобы говорить о ней с теми беднягами, которые попадались на удочку благодаря ухищрениям рекламы: иллюстрированной обложки, складного проспекта и фото автора в

сопровождении маленькой биографической справки. Книги очень дороги, и всё это что-нибудь да значит; это в общем-то доказывает, что люди мало заботятся о том, чтобы купить настоящую литературу; они хотят иметь книгу, которую порекомендовал их клуб; ту, о которой говорят, и им совершенно наплевать, что она содержит в себе.

Некоторые книжки сопровождал целый ворох рекламных материалов — сопроводительная записка рекомендовала посвятить им целую витрину и распространить о них рекламные брошюры. Я складывал их стопкой возле кассы и всовывал одну в каждый пакет книг. Никто никогда не откажется от брошюры, отпечатанной на глянцевой бумаге, а несколько фраз, напечатанных на её обложке, — это как раз то, что нужно рассказывать таким клиентам, какие были у меня в этом городе. Центральная контора фирмы пользовалась такой рекламой для всех книг несколько скандального свойства — они раскупались сразу после полудня в тот день, когда их выставляли.

Сказать честно, я не так уж скучал, но я уже начал механически управляться с рутинными коммерческими делами, и у меня было время подумать об остальном. И от этого я нервничал. Всё шло слишком хорошо.

Погода была отличная. Кончалось лето. Город пропах пылью. Внизу, у реки под деревьями, было прохладно. Я никогда не совершал прогулок со дня приезда и совсем не знал местность вокруг. Я ощущал как бы потребность в свежем воздухе. Но ощущал я в особенности другую потребность, что меня очень раздражало. Мне нужны были женщины.

В тот вечер, опустив железную штору в пять часов, я не вернулся работать, как всегда в магазин, под свет ртутных ламп. Я взял шляпу и, перекинув куртку через плечо, напрямик направился в аптеку. Жил я как раз над ней. Внутри было три клиента. Парнишка лет пятнадцати и три девицы — примерно того же возраста. Они взглянули на меня с отсутствующим видом и опять отвернулись к своим стаканам с замороженным молоком. Один вид этого продукта чуть не довел меня до обморока. К счастью, противоядие находилось в кармане моей куртки.

Я уселся у бара, через один табурет от той из двух девиц, что была покрупнее. Официантка, довольно уродливая брюнетка, вяло подняла голову, глядя на меня.

— Что у вас есть без молока? — сказал я.

— Лимонный сок? — предложила она. — Грейпфрутовый? Томатный? Кока-кола?

— Грейпфрут, — сказал я. — И чтобы стакан был полон не до краев.

Я полез в куртку и откупорил фляжку.

— Никакого алкоголя здесь, — вяло запротестовала официантка.

— Да ладно. Это мое лекарство, — рассмеялся я. — Не беспокойтесь о своей лицензии.

Я протянул ей доллар. Сегодня утром я получил свой чек. Девяносто долларов за неделю. Клем знал людей. Она дала мне сдачу, и я оставил ей щедрые чаевые.

Сок грейпфрута с бурбоном — это не так уж замечательно, но лучше, чем без ничего, во всяком случае. Мне стало лучше. Я выкарабкаюсь. Я уже начал выкарабкиваться. Ребятки смотрели на меня. Для этих сопляков двадцатилетний тип — уже старик; я изобразил улыбку для белокурой малышки; она была одета в голубой с белыми полосами свитер без воротника, с закатанными до локтя рукавами, и на ней были беленькие носочки и туфли на толстых каучуковых подошвах. Она была миленькая. С хорошо развитыми формами. Под рукой это, наверное, ощущалось как зрелые сливы. Она была без лифчика и соски её вырисовывались сквозь шерстяную ткань свитера. Она тоже мне улыбнулась.

— Что, жарко? — высказал я предположение.

— До смерти, — сказала она, потягиваясь.

Под мышками у неё проступили пятна от пота. Это произвело на меня определенное действие. Я поднялся и бросил пять центов в щель автоматического проигрывателя, который стоял там.

— А потанцевать смелости хватит? — сказал я, приближаясь к ней.

— Ох, вы меня убьете! — сказала она.

Она так ко мне прижалась, что у меня перехватило дыхание. От неё пахло, как от чистенького младенца. Она была тоненькая, и я мог дотянуться до её правого плеча и правой руки. Потом я двинул руку опять вверх и скользнул пальцами ей под грудь. Другая пара смотрела на нас и тоже принялась танцевать. Это была уже поднадоевшая песня

Дайны Шор «Прогони летящую муху». Она подпевала без слов. Официантка оторвала нос от своего журнала, увидела, что мы танцуем, и вновь погрузилась в чтение.

Под пуловером у малышки ничего не было. Это сразу чувствовалось. Хорошо бы, чтоб пластинка уже кончилась, ещё две минуты, и я имел бы просто неприличный вид. Она оставила меня, вернулась на свое место и посмотрела на меня.

— Для взрослого вы неплохо танцуете... — сказала она.

— Это меня дедушка научил, — сказал я.

— Чувствуется, — насмешливо бросила она. — И на копейку (цент) не сечете.

— Вы меня, конечно, наколете в том, что касается джаза, но я могу научить вас другим штучкам.

Она полуприкрыла глаза.

— Штучкам, которые умеют взрослые?

— Это зависит от того, есть ли у вас способности.

— А, вижу, куда вы клоните... — сказала она.

— Вы, конечно, не знаете, куда я клоню. Есть у кого-нибудь из вас гитара?

— Вы играете на гитаре? — сказал мальчишка. У него был такой вид, будто он только что проснулся.

— Я немного играю на гитаре, — сказал я.

— Тогда вы и поете тоже, — сказала другая девица.

— Я немного пою...

— У него голос как у Кэба Кэллоуэя, — насмешливо сказала первая.

Ее раздражало то, что другие со мной разговаривают. Я тихонько дернул наживку.

— Поведите меня куда-нибудь, где есть гитара, — сказал я, глядя на неё, — и я покажу вам, что я умею. Я не стремлюсь к тому, чтобы меня принимали за В.Ч. Хэнди, но могу наигрывать блюзы.

Она выдержала мой взгляд.

— Ладно, — сказала она, — мы поедем к Би-Джи.

— У него есть гитара?

— У неё есть гитара, у Бетти Джейн.

— Это мог бы быть Барух Джюниор. — Я зубоскалил.

— Ну да! — сказала она. — Он же здесь живет. Пошли.

— Мы туда отправляемся прямо сейчас? — спросил мальчишка.

— Почему бы нет? — сказал я. — Ей надо, чтобы ей вытерли носик.

— О'кей, — сказал мальчишка. — Меня зовут Дик. А она — Джики. Он указал на ту, с которой я танцевал.

— А я, — сказала другая, — Джуди.

— Я — Ли Андерсон, — сказал я. — Работаю в книжной лавке напротив.

— Мы знаем, — сказала Джики. — Уже две недели нам это известно.

— Вас это так интересует?

— Конечно, — сказала Джуди. — В наших местах не хватает мужчин. Мы вышли вчетвером, хотя Дик и протестовал. У них был весьма возбужденный вид. У меня оставалось достаточно бурбона, чтобы возбудить их ещё немного, когда это понадобится.

— Следую за вами, — сказал я, когда мы оказались на воздухе. Кабриолет Дика, старая модель крайслера, стоял у дверей. Он усадил девиц на переднее сиденье, а я расположился сзади.

— Чем вы занимаетесь на гражданке, молодые люди? — спросил я.

Машина резко взяла с места, и Джики встала на колени на сиденье, повернувшись ко мне лицом, чтобы отвечать.

— Мы работаем, — сказала она.

— Учеба?.. — подсказал я.

— Ну да, и другое тоже...

— Если бы вы пересели сюда, — сказал я, немного форсируя голос из-за ветра, — разговаривать было бы удобнее.

— Вот ещё, — прошептала она.

Она опять полуприкрыла веки. Наверное, научилась этому трюку в каком-нибудь фильме.

— Вы, что же, не хотите скомпрометировать себя?

— Ну ладно, — сказала она. Я обхватил её плечи и перевернул её через разделяющую нас спинку сиденья.

— Эй вы! — сказала Джуди, обернувшись. — У вас своеобразная манера разговаривать.

Я в это время усаживал Джики слева от себя и старался ухватить её за наиболее подходящее место. Это получалось весьма недурно. Похоже, она понимала смысл шутки. Я усадил её на кожаное сиденье и обнял за шею.

— А теперь — спокойствие, — сказал я. — А то я вас отшлепаю по попке.

— Что у вас в этой бутылке? — сказала она. Куртка лежала у меня на коленях. Она просунула под неё руку, и не знаю, специально ли она это сделала, но нацелилась она чертовски верно.

— Не двигайтесь, — сказал я, вытаскивая её руку. — Я поухаживаю за вами. Я отвинтил никелированную пробку и протянул ей флягу. Она сделала порядочный глоток.

— Только не до конца! — запротестовал Дик. Он следил за нами в зеркало заднего обзора.

— Передайте мне, Ли, старый крокодил...

— Не бойтесь, у меня есть ещё одна. Он удерживал руль одной рукой, и, протянув другую к нам, шарил ею в воздухе.

— Эй, никаких шуток! — посоветовала Джуди. — Смотри, не отправь нас в кусты!..

— Вы — холодный разум этой банды, — бросил я ей. —
Никогда не теряете хладнокровия?

— Никогда! — сказала она.

Она на ходу перехватила бутылку в тот момент, когда Дик собирался мне её возвращать. Когда она протянула мне её, та была пуста.

— Ну как, — одобрительно сказал я, — дела пошли лучше?

— О!.. Совсем неплохо... — сказала она. Я увидел, что на глазах её выступили слезы, но держалась она хорошо. Голос у неё был немного сдавленный.

— А теперь, — сказала Джики, — мне ничего не осталось...

— Поедем за следующей, — предложил я. — Заберем гитару и потом вернемся к Рикардо.

— Вам везет, — сказал парнишка. — Нам никто не хочет продавать.

— Вот что значит выглядеть слишком молодо, — сказал я, посмеиваясь над ними.

— Ну, не так уж молодо, — пробурчала Джики.

Она завозилась и пристроилась таким образом, что мне не оставалось ничего лучшего, как сплести пальцы, чтобы заняться чем-то.

Колымага неожиданно остановилась, и я небрежно свесил руку вдоль её руки.

— Я сейчас вернусь, — объявил Дик.

Он вышел и побежал к дому. Тот явно был составной частью целого ряда домов, построенных одним и тем же подрядчиком на целом земельном участке. Дик опять появился на пороге входной двери. В руках он держал гитару в лакированном чехле. Он захлопнул за собой дверь и в три прыжка добрался до машины.

— Би-Джи нет дома, — объявил он. — Что будем делать?

— Мы вернем ей гитару, — сказал я. — Садитесь. Поезжайте мимо Рикардо, чтобы я мог наполнить эту штуку.

— У вас будет прекрасная репутация, — сказала Джуди.

— О, все сразу поймут, что это вы вовлекли меня в ваши мерзкие оргии, — уверил я её.

Мы проделали в обратном порядке тот же путь, но гитара мне мешала. Я сказал парнишке, чтобы он остановился на некотором расстоянии от бара, и вышел, чтобы заправиться горючим. Я купил ещё одну фляжку и вернулся к компании. Дик и Джуди, стоя на коленях на переднем сиденье, энергично обсуждали что-то с блондинкой.

— Как вы думаете, Ли, — сказал парнишка. — Искупаемся?

— Согласен, — сказал я, — вы одолжите мне купальный костюм? У меня здесь ничего нет...

— О, мы устроимся!.. — сказал он.

Он тронул машину, и мы выехали из города. Почти сразу он свернул на дорогу, шедшую наперерез, которой едва хватало, чтобы по ней мог проехать крайслер, и которая

содержалась из рук вон плохо. В общем-то, вообще никак не содержалась.

— У нас есть сногшибательное местечко для купания, — заверил он меня. — Никого никогда там не бывает! А вода!..

— Река для форёли?

— Да. Гравий и белый песок. Никто туда никогда не заявляется.

Только мы ездим по этой дороге.

— Ну, это заметно, — сказал я, удерживая на месте свою челюсть, которая рисковала отскочить при любом толчке.

— Вам бы надо поменять вашу колымагу на бульдозер.

— Это — часть приключения, — объяснил он. — Чтобы помешать другим совать свое мерзкое рыло в эти места.

Он нажал на газ и я препоручил свои кости всевышнему. Дорога сделала резкий поворот и, проехав ещё полсотни метров, мы остановились. Кругом была чаща. Крайслер остановился перед большим кленом, и Дик с Джуди выскочили из машины. Я вышел и подхватил Джики на лету. Дик взял гитару и пошёл вперед. Я отважно отправился следом. Между ветвями вился узкий проход и вдруг перед вами открывалась река, свежая и прозрачная, как стакан джина. Солнце стояло низко, но было всё ещё очень жарко. По лежащей в тени части реки шла легкая рябь, а другая нежно поблескивала под косыми лучами. Густая трава, сухая и пыльная, спускалась к самой воде.

— Неплохое местечко, — сказал я одобрительно. — Вы сами его отыскиали?

— Не такие уж мы дураки, — сказала Джики. И в шею мне полетел здоровый ком сухой земли.

— Если не будете паинькой, — пригрозил я, — не получите больше лакомства. Я похлопал по карману, чтобы подчеркнуть значение своих слов.

— О, не сердитесь, старый певец блюзов, — сказала она. — Лучше покажите, что вы умеете делать.

— А купальный костюм? — спросил я у Дика.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал он. — Здесь никого нет.

Я обернулся. Джуди уже стянула свой свитер. Под ним у неё было, скажем, не слишком много белья. Юбка её скользнула вдоль ног и в одно мгновение она запустила в воздух свои туфли и носки. Наверное у меня был довольно глупый вид, потому что она рассмеялась мне в лицо так насмешливо, что я почти смутился. Дик и Джики в таких же костюмах рухнули в траву рядом с ней. Самым смешным был я, казавшийся им смущенным. Я отметил, однако, удобу парнишки, его ребра натягивали кожу, покрытую загаром.

— О'кей, — сказал я, — не вижу причин разводить церемонии.

Я нарочно не торопился. Я знаю, чего стою раздетый, и уверяю вас, что у них было время оценить это, пока я снимал с себя одежду. Я потянулся так, что кости

затрещали, и уселся возле них. Я ещё не совсем успокоился после наших легких стычек с Джики, но ничего не сделал для того, чтобы скрывать что бы то ни было. Полагаю, что они ожидали, что я сдрейфлю.

Я схватил гитару. Это был замечательный образец продукции фирмы «Эдифон». Не очень-то удобно играть, сидя на земле, и я сказал Дику:

— Вы не возражаете, если я возьму подушку из машины?

— Я пойду вместе с вами, — сказала Джики.

И она, как угорь, скользнула меж ветвей.

Забавно было видеть это девичье тело с посаженной на него головой старлетки среди кустов, полных густых теней. Я положил гитару и последовал за ней. Она опередила меня, и когда я добрался до машины, уже возвращалась с тяжелой кожаной подушкой сиденья.

— Дайте её мне! — сказал я.

— Оставьте меня в покое, Тарзан! — крикнула она.

Я не стал слушать её возражения и схватил её, словно животное, сзади. Она уронила подушку и дала себя обнять. Я бы взял сейчас и уродину. Она, видно, отдала себе в этом отчет и изо всех сил стала сопротивляться. Я рассмеялся. Я любил это. В этом месте трава была высокая и нежная, словно надувной матрац. Джики скользнула на землю и я последовал за ней. Мы боролись, словно дикари. Она была вся загорелая, вплоть до сосков, и никаких следов от лифчика, которые так уродуют нагие тела девушек. И гладкая, словно абрикос, голенькая, словно маленькая

девочка, но когда мне удалось удержать её под собой, я понял, что об этих делах она знает больше, чем маленькая девочка. Она представила мне лучший образчик технических приемов среди тех, что я имел в последние несколько месяцев. Я чувствовал под пальцами гладкий выгиб её поясницы, а ниже — ягодицы, крепкие, как арбузы. Длилось это от силы десять минут. Она притворилась, что засыпает и, в тот момент, когда я двинулся глубже, она оттолкнула меня, как тюк, и убежала к реке. Я подобрал подушку и побежал следом за ней. На берегу она разбежалась и прыгнула в воду, не подняв брызг.

— Вы уже купаетесь?

Это был голос Джуди. Она жевала ивовую веточку, лежа на спине и прикрыв голову руками. Дик, развалившись рядом с ней, ласкал её ягодицы. Одна из фляжек валялась перевернутая на земле. Она перехватила мой взгляд.

— Да... она пуста!.. — Она рассмеялась. — Мы вам оставили другую...

Джики плескалась на другой стороне реки. Я порылся в куртке, взял другую бутылку, а потом погрузился в воду. Она была теплая. Я был в прекрасной форме. Я спринтовал, как сумасшедший, и нагнал её на середине реки. Глубина здесь была около двух метров, и течение почти не чувствовалось.

— Жажда вас не одолевает? — спросил я её, удерживаясь на плаву одной рукой.

— Ещё как! — откликнулась она. — Вы весьма утомительны с вашими замашками победителя родео!

— Плывите сюда, — сказал я. — Ложитесь на спину. Она повернулась на спину, а я скользнул под нею, охватив одной рукой её торс. Другой рукой я протянул ей фляжку. Она схватила её, а я двинул руку вниз по её ляжкам. Я мягко раздвинул ей ноги и снова взял её — в воде. Она отдалась порыву. Мы держались в воде почти стоя, чуть шевелясь, чтобы не уйти на глубину.

Глава III.

Так всё и шло до сентября. В их компании было ещё пятеро-шестеро подростков, девиц и парней: Би-Джи — хозяйка гитары, довольно плохо сложенная, но с потрясающим запахом кожи; Сюзи Энн, ещё одна блондинка, но не такая кругленькая, как Джики, и шатенка, совершенно неприметная, которая танцевала весь день напролет. Парни были глупы настолько, насколько мне этого хотелось. Я не повторял вылазки с ними в город: я вскоре стал бы конченным человеком в этих местах. Мы встречались возле реки, и они хранили в тайне наши встречи потому, что я был удобным источником бурбона и джина для них. Я имел всех девиц одну за другой, но это было слишком просто, вызывало легкую тошноту. Они занимались этим так же легко, как полощут зубы, — из гигиенических соображений. Они вели себя, как стадо обезьян, развязные, жадные до удовольствий, шумные и порочные; это меня пока устраивало.

Я часто играл на гитаре; одного этого было достаточно, даже если бы я не был способен задать трепку одной рукой всем этим мальчикам одновременно. Они учили меня быстрым и медленным танцам под джазовую музыку; мне не надо было особенно напрягаться, чтобы научиться делать это лучше, чем они. И вины их в этом не было. Однако я опять начал думать о малыше и спал плохо. Я дважды видел Тома. Ему удавалось держаться. Там больше об этой истории не говорили. Люди оставили Тома в покое в его школе; что же до меня, они и прежде меня нечасто видели. Отец Энн Моран отправил дочь в университет графства, и с ним остался сын. Том спросил меня, хорошо ли идут мои дела, и я сказал ему, что мой счёт в банке вырос до ста двадцати долларов. Я экономил на всем, кроме алкоголя, и книжная торговля шла хорошо. Я рассчитывал на её подъём к концу лета. Он посоветовал мне не пренебрегать моим религиозным долгом. Это было дело, от которого я смог избавиться, но я устроился так, чтобы это не было заметно, как и остальное. Том верил в Бога. Я же ходил к воскресной службе, как Хансен, но я думаю, что невозможно сохранять здравомыслие и верить в Бога, а мне надо было здраво мыслить. Выходя из храма, мы встречались на реке и обменивались девицами так же целомудренно, как это делается в стаде обезьян в пору спаривания; да мы и в самом деле были стадом обезьян, говорю я вам. А потом незаметно кончилось лето, и начались дожди.

Я стал чаще бывать у Рикардо. Время от времени я заходил в аптеку, чтобы потрепаться с завсегдатаями; в самом деле, я уже стал говорить на их жаргоне лучше, чем они сами, у меня к этому была прекрасная предрасположенность. После

летних каникул в Бактон стали возвращаться кучами типы, которые жили здесь припеваючи; они возвращались из Флориды или Санта-Моники или ещё откуда-нибудь... Все они были загорелые, очень белокурые, но не больше нас, которые провели лето у реки. Магазин стал одним из мест их встреч.

Эти меня ещё не знали, но у меня было достаточно времени, и я не спешил.

Глава IV.

А потом и Декстер вернулся. Они мне о нем столько рассказывали, что у меня уже уши завяли. Декстер жил в одном из самых шикарнейших домов в прекрасном квартале города. Родители его жили в Нью-Йорке, а он весь год оставался в Бактоне, потому, что у него были слабые легкие. Они были уроженцами Бактона, а это город, где можно учиться не хуже, чем где-нибудь ещё. Я уже знал и паккард Декстера, и его гольф-клубы, и его радиоприемник, и его погреб и бар, как будто всю жизнь прожил у него: увидев его, я не был разочарован. Это в самом деле был мелкий мерзавец, каким он и должен был быть. Худой темноволосый тип, слегка смахивающий на индейца, с чёрными неискренними глазами, завитыми волосами и узким ртом под большим кривым носом. У него были ужасные руки — две лапищи с плоскими и словно поперек посаженными ногтями, они были в ширину больше, чем в

длину и вздувшиеся, какими бывают ногти у больных людей.

Все крутились вокруг Декстера, как собаки вокруг куска печёнки. Я несколько поутратил значительность как поставщик алкоголя, но оставалась ещё гитара, и я приберег для них несколько па чечётки, о которых они не имели ни малейшего представления. Время у меня было. Мне нужна была добыча поувесистее, и в окружении Декстера, я был уверен, что найду то, что искал с тех пор, как малыш снился мне каждую ночь. Думаю, я понравился Декстеру. Он, наверное, ненавидел меня за мои мускулы, рост и ещё за гитару, но это его притягивало. У меня было всё, чего не было у него. А у него были бабки. Мы были созданы для того, чтобы сойтись. И потом, он с самого начала понял, что я готов на многое. Он не подозревал о том, чего я хочу; нет, до этого он не дошёл; как бы он мог додуматься до этого, если не додумались другие? Просто он думал, я считаю, что с моей помощью ему удастся организовать несколько маленьких особенно разнузданных оргий. В этом смысле он не ошибался.

Теперь город был в наличии почти в полном составе; я начал распродавать учебники естественных наук: геологии, физики — и кучу подобных штучек. Они присылали ко мне всех своих приятелей. Девицы были ужасны. В свои четырнадцать лет они уже умели устраиваться так, чтобы их потискали, а ведь надо здорово постараться, чтобы найти повод потискаться, когда покупаешь книгу... И всё же всякий раз это удавалось: они предлагали мне пощупать их бицепсы, чтобы убедиться в результатах летних тренировок,

ну а потом мало-помалу мы переходили к ляжкам. Они переходили границы дозволенного. У меня всё-таки было несколько серьезных клиентов, и я дорожил своим положением. Но в любое время дня малютки эти были горячи, как козочки, и такие мокренькие, что только тронь — и польётся на землю. Уверен, что работа преподавателя в университете — совсем не синекура, если это уже нелегкое дело для книготорговца. Когда начались занятия, мне стало немного поспокойнее. Они являлись только после обеда. Самое ужасное, что мальчишкам я тоже нравился. Это были существа, не принадлежавшие ни к разряду самцов, ни к разряду самок; только некоторые из них сформировались уже как мужчины, а всем остальным также нравилось лезть ко мне, как и девчонкам. И эта их мания пританцовывать на месте. Я не припомню случая, чтобы, собравшись числом около пяти, они не начинали напевать какой-нибудь мотивчик и раскачиваться в такт. Ну, это-то на меня хорошо действовало; это было нечто, что вело происхождение от нас.

Я больше не беспокоился по поводу своей внешности. Думаю, что заподозрить что-либо было невозможно. Декстер напугал меня во время одного из последних купаний. Я дурачился нагишом с одной из девиц, подбрасывая её в воздух, вертя в руках, как младенца. Он наблюдал за нами, лежа позади меня на животе. Мерзкое зрелище — такой тщедушный тип со шрамами от пункций на спине: он дважды болел плевритом. Он разглядывал меня исподлобья, а потом сказал:

— Вы сложены не так, как все, Ли, у вас покатые плечи, как у негра-боксера.

Я оставил девчонку, встал в стойку, а потом стал танцевать вокруг него, напевая нечто собственного сочинения, и они все засмеялись, но меня это достало. Декстер не смеялся. Он продолжал смотреть на меня.

Вечером я взглянул на себя в зеркало над умывальником, и настал мой черед смеяться. С этими белокурыми волосами, с этой бело-розовой кожей я ничем не рисковал. Я их поймею. А Декстер стал так говорить из зависти. Да потом у меня и вправду были покатые плечи. А что в этом плохого? Редко я спал так хорошо, как в эту ночь. Через два дня, на уикэнд, они организовали вечеринку у Декстера. В вечерних костюмах. Я взял напрокат смокинг и торговец наскоро подогнал его по моей фигуре; тип, который надевал его до меня, был примерно одного роста со мной, так что подогнать было несложно. Той ночью я опять думал о малыше.

Глава V.

Когда я вошёл к Декстеру, то понял, почему — в вечерних костюмах: наша группа была растворена в подавляющем большинстве «порядочных» типов. Я их тут же узнал: доктор, пастор и другие в том же роде. Слуга-негр взял у меня шляпу, и я заметил ещё двух других. А потом Декстер подхватил меня под руку и представил родителям. Я понял,

что это — его день рождения. Мать была похожа на него: маленькая темноволосая женщина с мерзкими глазами, а отец — из того типа мужчин, которых хочется немедленно душисть их собственной подушкой, до такой степени видно, что они вас не замечают. Би-Джи, Джуди, Джики и другие в вечерних платьях смотрелись очень мило. Я не смог запретить себе думать об их укромных местечках, глядя, как они манерно пьют коктейль и позволяют пригласить себя на танец очкастым типам очень серьезного вида. Время от времени мы перемигивались, чтобы не потерять контакт. Было до предела тоскливо.

Выпивки было предостаточно. Надо сказать, что Декстер умел принимать друзей. Я сам представился одной-двум девицам, чтобы потанцевать румбу, а потом пил, потому что другое занятие подыскать было нелегко. Хороший блюз в паре с Джуди несколько привел меня в чувство; она была из тех, кого я трахал нечасто. Вообще-то, похоже было, что она меня избегает, ну, а я хотел её не больше, чем любую другую; но в тот вечер я думал, что живым не оторвусь от её ляжек: Боже правый! Какой жар! Она хотела заставить меня подняться в комнату Декстера, но я не очень-то был уверен, что нас там не потревожат, и потянул её выпить — для компенсации, а потом мне словно врезали кулаком между глаз, когда я увидел группу, входившую в гостиную.

Там было три женщины — две из них молодые, а третьей было около сорока, и ещё один мужчина, но об этих, последних, говорить не будем. Но те двое — малыш перевернулся бы в своей могиле от радости. Я сжал локоть Джуди; она, наверное, подумала, что я её хочу, потому что

подвинулась ко мне. Да я бы всех их уложил к себе в постель, лишь бы только смотреть на этих двух. Я отпустил Джуди и погладил её по ягодицам, не привлекая внимания, словно просто опустив руку.

— Что это за две куколки, Джуди?

— А что, вас это интересует, старый торговец каталогами?

— Скажите, где Декстер мог откопать таких прелестных штучек?

— Приличное общество. Это вам не девчонки-подростки из предместья, знаете ли. С ними на купанье не отправишься!..

— Чертовски жаль! Если быть совсем честным, думаю, что прихватил бы и третью, чтобы заполучить двух других!

— Не заводитесь так, старина! Они нездешние.

— Откуда они?

— Приксвиль. Сто миль отсюда. Старые друзья отца Декстера.

— Обе?

— Ну, а как же! Вы сегодня совсем как идиот, дорогой мой Джо Луис. Это две сестры, мать и отец. Лу Эсквит, Джин Эсквит; Джин — это блондинка. Старшая. Лу пятью годами младше.

— Значит, ей шестнадцать? — предположил я.

— Пятнадцать. Ли Андерсон, вы отобьетесь от компании и броситесь на краль папаши Эсквита?

— Ну и дура вы, Джуди. А вас они не привлекают, эти девочки?

— Я предпочитаю мальчиков; простите, но сегодня вечером я совершенно нормальна. Пригласите меня танцевать, Ли.

— Вы меня представите?

— Попросите об этом Декстера.

— О'кей, — сказал я.

Я станцевал с ней два последних такта пластинки, которая кончилась, и покинул её. Декстер обсуждал что-то с какой-то красоткой в дальнем конце холла. Я окликнул его.

— Эй! Декстер!

— Да! Он обернулся. Казалось, он потешается, глядя на меня, но мне на это было с...ть.

— Эти девочки... Эсквит... так? Представьте меня.

— Ну, конечно, старина. Идёмте.

На близком расстоянии это превосходило то, что я видел, стоя у бара. Они были потрясающие. Я сказал им что-то и пригласил брюнетку, Лу, танцевать слоу, который тип, менявший пластинки, выудил из груды других. Господи! Я благословлял небеса и типа, который подогнал смокинг по моей фигуре. Я держал её немного ближе, чем это принято, но, тем не менее, не решался прилипнуть к ней, как мы это делали, прижимаясь друг к другу, в нашей компании, когда на нас находило. Она была надушена какой-то сложной смесью, без сомнения, очень дорогой; может быть, это были французские духи. У неё были тёмные волосы, которые она

зачесала все на одну сторону, и жёлтые глаза дикой кошки на довольно бледном треугольном личике; а тело её...

Лучше об этом не думать... Платье её держалось на ней само собой, не знаю как, потому что удержать его было нечем — ничего на плечах или на шее, ничего, кроме её груди, и я должен сказать, что можно было удержать дюжину платьев такого же веса, как это, на этих крепких и острых грудях. Я повернул её слегка вправо, и в вырезе смокинга, через шёлковую сорочку почувствовал на своей груди её сосок. У других можно было видеть краешек трусиков, просвечивающий сквозь ткань платья на ляжках, но она, видно, устраивалась как-то особо, потому что от подмышек до щиколоток линия её тела была гладкой, словно струя молока. Я всё же попытался с ней поговорить. Я сделал это вскоре после того, как смог перевести дыхание.

— Как получилось, что вас никогда здесь не видно?

— Сегодня я здесь. Вот доказательство.

Она немного откинулась назад, чтобы взглянуть на меня. Я был выше её на целую голову.

— Я хочу сказать, в городе...

— Вы увидели бы меня, если бы приехали в Приксвиль.

— Тогда, думаю, я сниму что-нибудь в Приксвиле.

Я колебался, прежде чем залепить ей это. Я не хотел продвигаться вперед слишком быстро, но с этими девицами ничего не знаешь наверняка. Надо рисковать. Похоже, это

её не взволновало. Она слегка улыбнулась, но глаза её были холодны.

— Вы и в этом случае совсем не обязательно увидите меня.

— Думаю, есть немало охотников...

Надо признать, что я пер вперед, как грубое животное. Так не одеваются, когда у вас в глазах такой холод.

— О, — сказала она. — В Присквиле не так уж много интересных людей.

— Вот как, — сказал. — Значит, у меня есть шанс?

— Я не знаю, интересный ли вы человек.

Получай. В сущности, я нашёл то, что искал. Но я не стал сразу отступать.

— Что же вас интересует?

— Вы недурны. Но это может быть обманчиво. Я вас не знаю.

— Я друг Декстера, Дика Пейджа и других.

— Я знаю Дика. Но Декстер странный тип...

— У него слишком много денег, чтобы быть по-настоящему странным, — сказал я.

— Тогда, я думаю, вам совсем не понравится моя семья. Знаете, у нас, правда, тоже немало денег...

— Это чувствуется, — сказал я, приближая лицо к её волосам.

Она опять улыбнулась.

— Вам нравятся мои духи?

— Обожаю.

— Удивительно..., — сказала она. — Я готова была поклясться, что вы предпочитаете запах лошадей, оружейной смазки или примочек.

— Не насмехайтесь надо мной, — продолжал я. — Не моя вина, что я так сложен и лицом не похож на херувима.

— Не выношу херувимов, — сказала она. — Но ещё больше не выношу мужчин, которые любят лошадей.

— Никогда не подходил к этой домашней птице, — сказал я. — Когда я могу опять увидеть вас?

— О!.. Я ещё не уйду, — сказала она. — У вас впереди целый вечер.

— Этого недостаточно.

— Это зависит от вас.

На этом она меня и оставила, потому что музыка кончилась. Я смотрел, как она скользит между парами, и она обернулась и рассмеялась, глядя на меня, но смех этот не звучал обескураживающе. Линии её тела могли разбудить даже члена Конгресса.

Я вернулся к бару. Там были Дик и Джики. Они потягивали martini и, похоже, дьявольски скучали.

— О, Дик! — сказал я. — Вы слишком много смеётесь. У вас рожа от этого перекосится...

— Как дела, мужчина с длинными волосами? — сказала Дики. — Что вы делали? Скрывались в зарослях с негритянкой? Или охотились за богатой роскошной сучкой?

— Для типа с длинными волосами, — парировал я, — я начинаю неплохо свинговать. Давайте только смоемся отсюда с какими-нибудь симпатичными личностями, и я покажу вам, что я умею делать.

— Симпатичные личности с кошачьими глазами и в платьях без плечиков, да?

— Джики, прелесть моя, — сказал я, подходя к ней и схватив её за запястья, — вы не станете ведь меня упрекать за то, что мне нравятся красивые девочки?

Я слегка прижал её к себе, глядя ей прямо в глаза. Всё лицо её смеялось.

— Вы скучаете, Ли. Вам надоела наша банда? Знаете, я ведь тоже неплохая партия: отец мой худо-бедно делает двадцать тысяч в год.

— А что, вы здесь хорошо забавляетесь? Я считаю, что здесь тоска смертная. Возьмем бутылки и смоемся куда-нибудь. Здесь задохнуться можно среди этих тёмно-синих штук...

— Вы считаете, что Декстер будет доволен?

— Я считаю, что Декстеру есть чем заняться, кроме нас.

— А ваши красотки? Вы думаете, что они вот так поедут?

— Дик с ними знаком..., — сказал я, бросив на него взгляд украдкой. Дик, не такой придурковатый, как обычно, хлопнул себя по ляжкам.

— Ли, вы настоящий кремень. Никогда не теряетесь!

— А я думал, что я парень с длинными волосами.

— Это, наверное, парик.

— Найдите эти два создания, — сказал я, — и приведите их сюда. Или даже постарайтесь посадить их в мою колымагу, или в вашу, если хотите.

— Но под каким предлогом?

— О, Дик! — подстегнул я его. — У вас, конечно, куча воспоминаний детства, которые приятно освежить с этими птичками!..

Сбитый с толку, посмеиваясь, он ушёл. Джики слушала и насмехалась надо мной. Я сделал ей знак. Она подошла.

— А вы отыщите, — сказал я, — Джуди и Билла, а также прихватите семь-восемь бутылок.

— Куда поедем?

— Ку да мы можем поехать?

— Моих родителей нет дома, — сказала Джики. — Там только младший брат. Он будет спать. Поедем ко мне.

— Ну, вы — ас, Джики. Слово индейца.

Она понизила голос.

— Вы мне это сделаете?..

— Что — это?

— Вы мне это сделаете, Ли?

— О!.. Конечно, — сказал я.

Пусть я привык к Джики, думаю, в этот момент я мог сделать ей это прямо там. Это было весьма возбуждающее зрелище — Джики в вечернем платье, с копной волос, мягко падавшей вдоль левой щеки, с чуть косящими глазами и ртом, как у инженю. Дыхание её участилось и щеки порозовели.

— Это глупо, Ли... Я знаю, что все это делают то и дело. Но мне нравится это!

— Всё в порядке, Джики, — сказал я, глядя её по плечу. — Мы сделаем это ещё не раз, прежде чем умрем.

Она очень крепко сжала мне запястье и убежала так стремительно, что я не смог её удержать. Я хотел бы теперь сказать ей, сказать ей, кто я; я хотел бы этого, чтобы увидеть её лицо..., но Джики не была добычей моего масштаба. Я чувствовал себя сильным, как Джон Генри, и уж мое сердце не подвергалось риску быть разбитым.

Я вернулся к буфету и заказал типу, стоявшему за стойкой, двойной мартини. Я проглотил его в один прием и попытался поработать немного, чтобы помочь Дику.

В секторе появилась старшая из девиц Эсквит. Она болтала с Декстером. Он мне нравился ещё меньше, чем обычно, с этой его чёрной прядью поперек лба. Смокинг ему действительно шёл. В нем он казался почти хорошо

сложенным, а загар его кожи на фоне белой рубашки так и кричал: «Проводите ваш отпуск в "Сплениде" в Майами».

Я решительно приблизился к ним.

— Декс, — сказал я. — Вы убьете меня, если я приглашу мисс Эсквит на этот слоу?

— Вы слишком сильны для меня, Ли, — ответил Декстер.

— Я с вами не дерусь.

На самом деле, думаю, ему было наплевать, но трудно было понять, что значит тон этого парня. Я уже обнял Джин Эсквит. Думаю, я всё же предпочел бы её сестру Лу. Но я никогда бы не сказал, что между ними пять лет разницы. Джин Эсквит была почти с меня ростом. Она была по крайней мере на четыре дюйма выше Лу. На ней было платье из двух частей из какой-то прозрачной чёрной ткани, юбка была в семь или восемь слоев, а бюстгальтер, причудливо отделанный, занимал минимум пространства её тела. Кожа её была покрыта редкими веснушками на плечах и висках, а волосы, очень коротко подстриженные и завитые, делали её голову совершенно круглой. У неё и лицо было круглее, чем лицо Лу.

— Вы считаете, что здесь можно развлечься? — спросил я.

— Эти вечеринки всегда одинаковы. Эта ещё не хуже других.

— В данный момент, — сказал я, — я предпочитаю её любой другой.

Эта девушка умела танцевать. Мне не надо было прилагать особых усилий. И потом, я не смущаясь прижал её к себе

ближе, чем её сестру, потому что она могла говорить со мной, не глядя снизу вверх. Она прижалась своей щекой к моей; опустив глаза, я увидел панораму красиво очерченного уха, забавно остриженных коротких волос и круглого плеча. Она пахла шалфеем и дикими травами.

— Какие у вас духи? — продолжал я, потому что она молчала.

— Я никогда не душусь, — сказала она.

Я не настаивал на такого типа разговоре и решил сыграть по-крупному.

— Как вы смотрите на то, чтобы поехать куда-нибудь, где можно развлечься по-настоящему?

— То есть?

Она говорила небрежно, не поднимая головы, и казалось, что слова появляются откуда-то сзади меня.

— То есть туда, где можно вволю выпить, вволю покурить и потанцевать вволю на достаточно обширном пространстве.

— Это нечто иное, чем то, что мы имеем здесь, — сказала она.

— Здесь скорее племенной танец, чем что-нибудь другое.

В самом деле, нам не удавалось сдвинуться с места вот уже пять минут, и мы топтались в такт, не делая ни шага вперед или назад. Я ослабил объятия и, продолжая держать её за талию, повел к выходу.

— Тогда пойдёмте, — сказал я. — Я отвезу вас к приятелям.

— О, с удовольствием, — сказала она.

Я обернулся к ней в тот момент, когда она отвечала, и онадохнула мне прямо в лицо. Господи прости, она, наверно, осушила полбутылки джина.

— А кто это, ваши приятели?

— О, очень милые ребята, — заверил я.

Мы беспрепятственно пересекли вестибюль. Я не утруждал себя поисками её накидки. Воздух был теплый и полон аромата жасмина, росшего у входной двери.

— В общем-то, — заметила Джин Эсквит, остановившись в дверях, — я вас совсем не знаю.

— Ну как же, — сказал я, увлекая её за собой, — я тот самый старина Ли Андерсон.

Она рассмеялась и вышла вслед за мною.

— Ну да, Ли Андерсон... Пойдёмте, Ли... Они ждут нас.

Теперь мне было трудно следовать за ней. Она скатилась по пяти ступенькам в две секунды, и я подхватил её десятью метрами дальше.

— Эй!.. Не так быстро!.. — сказал я. Я обхватил её руками.

— Колымага там.

Джуди и Билл ждали меня в нэше.

— У нас есть горячее, — шепнула Джуди. — Дик впереди с остальными.

— Лу Эсквит? — прошептал я.

— Да, Дон Жуан. Она там. Поезжайте.

Джин Эсквит, откинув голову на спинку переднего сиденья, протянула Биллу мягкую ладонь.

— Хэлло! Как вы себя чувствуете? Дождь идёт?

— Безусловно, нет! — сказал Билл. — Барометр предвещает падение давления на восемнадцать футов, но только завтра.

— О, — сказала Джин, — никогда машина не поднимется так высоко.

— Не говорите ничего дурного о моем дизенберге, — запротестовал я.

— Вам не холодно?

Я наклонился в поисках гипотетического одеяла, и, по недосмотру, задрал ей юбку до колен, зацепив её запонкой рукава. Боги мои, какие ноги!..

— Я умираю от жары, — сказала Джин нетвердым голосом.

Я выжал сцепление и последовал за машиной Дика, которая отъехала перед нами. Тачки всех видов и типов выстроились перед домом Декстера, и я охотно заменил бы любую из них мой древний нэш. Ну да я добьюсь своего и без новой машины. Джики жила недалеко, в особнячке в виргинском стиле. Сад, окруженный довольно высокой изгородью из кустов, отличался от тех, какие можно было видеть в этих местах.

Я видел, как красный огонек машины Дика остановился, а потом погас, а потом зажглись стоп-фары; я тоже остановился и услышал, как хлопнула дверца колымаги.

Оттуда вышли четверо: Дик, Джики и Лу и ещё какой-то тип. Я узнал его по манере взбираться по лестнице, это был малыш Никлас. Он и Дик каждый несли по две бутылки, и я увидел, что столько же несли Джуди и Билл. Джин Эсквит, казалось, не собиралась выходить из машины, и я обошёл нэш. Я открыл дверцу и просунул одну руку ей под колени, а другой обвил шею. Она была здорово под мухой. Джуди остановилась позади меня.

— Она пьяна, ваша нежная подружка, Ли. Вы её нокаутировали?

— Не знаю, я это или джин, который она выпила, — пробормотал я, — но это не имеет ничего общего с безмятежным невинным сном.

— Самое время этим воспользоваться, дорогой мой; вперед.

— Вы мне надоели. Это слишком легко с пьяной женщиной.

— Ладно, не трепитесь!

Это был нежный голосок Джин. Она проснулась.

— Может, хватит крутить меня в воздухе?

Я уловил момент, когда её затошнило, и прыгнул в сад особняка Джики. Джуди закрыла за нами калитку, а я держал голову Джин, пока её рвало. Это была та ещё картинка. Ничего, кроме чистого джина. А держать её было не легче, чем какую-нибудь кобылу. Её прямо выворачивало. Я удерживал её рукой.

— Поднимите мне рукав, — сказал я Джуди.

Она засучила рукав смокинга, и я поменял руку, чтобы и далее поддерживать старшую из сестер Эсквит.

— Порядок, я вам помогу, — сказала Джуди, когда операция была завершена. — Не спешите.

Билл тем временем уже ушёл, забрав бутылки.

— Где здесь можно найти воду? — спросил я у Джуди.

— В доме. Пойдёмте, можно войти с заднего крыльца.

Я последовал за нею через сад, волоча за собой Джин, которая спотыкалась на каждом шагу, по гравиевой дорожке аллеи. Господи! Какая она тяжелая, эта девица! Моим рукам было найдено применение. Джуди шла впереди меня по лестнице, показывая дорогу на второй этаж и потом по коридору. Другие уже вовсю расшумелись в гостиной; к счастью, закрытая дверь её приглушала их крики. Я поднимался наощупь в полной темноте, ориентируясь на светлое пятно, которым казалась Джуди. Наверху ей удалось нащупать выключатель, и я вошёл в ванную. Перед ванной лежал большой резиновый мягкий ячеистый ковер.

— Кладите её сюда, — сказала Джуди.

— Без шуток, — сказал я. — Снимите с неё юбку. Она расстегнула молнию и одним движением руки стянула с Джин легкую ткань. Скатила на щиколотки чулки. В самом деле, я просто не знал, что такое хорошо сложенная девушка, пока не увидел нагую Джин Эсквит на этом ковре в ванной. Мечта, да и только. Глаза её были закрыты, изо рта текла тонкая струйка слюны. Я вытер ей губы

полотенцем. Не для неё — для себя; Джуди рылась в аптечке.

— Я нашла то, что нужно, Ли. Заставьте её выпить это.

— Она не сможет сейчас пить. Она спит. Желудок её теперь пуст.

— Тогда приступайте, Ли. Меня можете не стесняться. Когда она проснется, может быть, она на это и не пойдет.

— Ну, вы уж слишком, Джуди.

— Вас смущает, что я одета?

Она подошла к двери и заперла её на ключ. А потом она сняла платье и лифчик. Теперь на ней были одни чулки.

— Это для вас, Ли.

Она села на край ванны, раздвинув ноги, и посмотрела на меня. Больше я ждать не мог. Шмотки мои одна за другой полетели в воздух.

— Ложитесь на неё, Ли. Поторопитесь.

— Джуди, — сказал я ей, — вы омерзительны.

— Почему же? Мне забавно смотреть, как вы ляжете на эту девушку. Ну же, Ли, вперед...

Я так и упал на девушку, но проклятая Джуди сбила мой порыв. Мотор больше не фурьчил. Я стоял на коленях, она лежала между моих ног. Тогда Джуди приблизилась к нам. Я почувствовал на себе её руку, которая вела меня, куда следовало. Я чуть не заорал, так меня это возбуждало. Джин Эсквит была по-прежнему неподвижна, а потом я опустил

глаза на её лицо: изо рта по-прежнему текла струйка слюны. Она приоткрыла глаза, потом опять закрыла их, и я почувствовал, что она шевельнулась — шевельнула нижней частью тела, а Джуди тем временем не останавливалась, другой рукой в это время лаская меня ниже пояса.

Глава VI.

Я всё-таки через час стал отдавать себе отчет в том, что другим наше отсутствие покажется странным, и мне удалось оторваться от этих двух девиц. Я уже точно и не помню, в каком углу ванной мы находились. Голова моя кружилась слегка, и болела спина. Бедра мои были истерзаны там, куда безжалостно впивались ногти Джин Эсквит. Я дополз до стены и сориентировался, потом нащупал выключатель. Всё это время Джуди шевелилась где-то там. Я включил свет и увидел, что она сидит на полу и потирает глаза. Джин Эсквит лежала ничком на резиновом ковре, положив голову на руки, и, казалось, спала. Господи, какой у неё изгиб спины. Я в темпе натянул рубашку и брюки. Джуди наводила красоту у умывальника. А я взял купальное полотенце и смочил его в умывальнике. Я приподнял голову Джин Эсквит, чтобы разбудить её — глаза её были широко раскрыты, и, право слово, она смеялась. Я обхватил её за талию и усадил на край ванны.

— Хороший душ поможет вам.

— Я слишком устала. Думаю, я немного перепила.

— Я тоже так думаю, — сказала Джуди.

— О, не так уж сильно, — заверил я. — Вам прежде всего требовалось слегка соснуть.

Тогда она встала и вцепилась в мою шею: целоваться она тоже умела. Я мягко высвободился и втащил её в ванну.

— Закройте глаза и поднимите голову...

Я включил краны смесителя и пустил на неё душ. Под действием теплой воды тело её напряглось, и я увидел, как потемнели её соски, резче выступив на нежной коже груди.

— Это действует очень хорошо.

Джуди натягивала ей чулки.

— Вы оба, пошевеливайтесь-ка. Если мы спустимся сейчас, может быть, ещё найдем что-нибудь выпить.

Я снял с вешалки купальный халат. Джин выключила кран, и я подхватил её, окутав махровым полотенцем. Ей это явно понравилось.

— Где это мы? — спросила она. — У Декстера?

— У других наших друзей, — сказал я. — Я считаю, что у Декстера было скучно.

— Вы хорошо сделали, что увезли меня, — сказала она. — Это место больше пригодно для жизни.

Теперь она была сухая. Я протянул ей обе части её туалета.

— Наденьте это. Приведите в порядок лицо и идёте.

Я направился к двери. Я открыл её перед Джуди, которая кубарем скатилась по лестнице. Я собирался последовать за ней.

— Подождите меня, Ли...

Джин повернулась ко мне, чтобы я застегнул ей лифчик. Я ласково куснул её в затылок. Она откинулась назад.

— Вы будете ещё спать со мной?

— С большой охотой, — ответил я. — Когда вы захотите.

— А если сейчас?..

— Ваша сестра захочет узнать, что вы делаете.

— Лу здесь?

— Конечно...

— О... Прекрасно, — сказала Джин. — Я смогу присмотреть за ней.

— Думаю, что ваш присмотр будет ей только на пользу, — поддержал я её.

— Как вы её находите, Лу?

— Я с удовольствием переспал бы с нею тоже, — сказал я. Она опять засмеялась.

— Я считаю, что она потрясающая. Я хотела бы быть такой, как она. Видели бы вы её раздетой...

— Я об этом только и мечтаю, — сказал я.

— Скажите на милость. Да вы чистейшей воды хам.

— Простите меня. У меня не было времени набраться хороших манер.

— Мне очень нравятся ваши манеры, — сказала она, ласково глядя на меня.

Я обнял её за талию и потянул к двери.

— Нам пора идти вниз.

— Мне и голос ваш очень нравится.

— Пойдёмте.

— Хотите жениться на мне?

— Не говорите чепухи.

Я начал спускаться по лестнице.

— Я не говорю чепухи. Теперь вы должны на мне жениться.

Она выглядела очень спокойной и уверенной в том, что говорит.

— Я не могу жениться на вас.

— Почему?

— Думаю, что предпочитаю вашу сестру.

Она опять рассмеялась.

— Ли, я обожаю вас!

— Очень вам обязан, — сказал я.

Они все были в большой гостиной и подняли там дикий шум. Я толкнул дверь и пропустил вперед Джин. Наше появление было встречено дружным ворчанием. Они

открыли банки с цыплятами в желе и теперь поглощали их, как поросята. Билл, Дик и Никлас засучили рукава рубашек и были заляпаны соусом. У Лу на платье сверху донизу расплзлось огромное пятно майонеза. Что до Джуди и Джики, они объедались с самым невинным видом. Я отметил про себя, что пять из находящихся бутылок были на пути к небытию. Радио под сурдинку передавало концерт танцевальной музыки. Увидев цыпленка, Джин Эсквит издала боевой клич и заграбастала здоровый кусок, в который не мешкая впиалась зубами. Я тоже уселся и наполнил свою тарелку. Право, начало было замечательное.

Глава VII.

Декстер позвонил в три часа. Джин старательно продолжала напиваться во второй раз — почище, чем в первый, и я воспользовался этим, чтобы предоставить Никласу заниматься ею. Я почти не отходил от её сестры и старался изо всех сил напоить её; она, однако, не поддавалась, и мне приходилось то и дело прибегать к уловкам. Декстер предупредил нас, что Эсквиты-родители начинают выражать удивление по поводу того, что они не видят своих девочек. Я спросил его, как он обнаружил место нашего собрания, а он ограничился тем, что рассмеялся на другом конце провода. Я объяснил ему, почему мы уехали.

— Всё в порядке, Ли, — сказал он. — Я прекрасно понимаю, что у меня сегодня вечером позабавиться было нелегко. Слишком много серьезных людей.

— Приезжайте к нам, Декс, — возразил я ему.

— У вас больше нечего выпить?

— Нет, — сказал я. — Вовсе нет, просто это поднимет вам настроение.

Этот тип, как всегда, говорил оскорбительно, и, как всегда, — совершенно невинным тоном.

— Я не могу уйти, — сказал он. — А то я приехал бы. Что мне сказать родителям?

— Скажите им, что их малышей привезут прямо домой.

— Не знаю, понравится ли им это, Ли, знаете ли...

— Они уже в том возрасте, когда могут обойтись без посторонней помощи.

— Ладно, Ли, только они знают, что сейчас девочки обходятся не совсем без посторонней помощи.

— Уладьте это, старина Декстер, я рассчитываю на вас.

— О'кей, Ли. Я это улажу. До свиданья.

— До свиданья.

Он повесил трубку. Я сделал то же самое и вернулся к своим прежним занятиям. Джики и Билл приступили к некоторым упражнениям, не предназначенным для девушек из хорошей семьи, и мне очень интересно было наблюдать за реакцией Лу. Она всё же понемногу стала пить. Похоже,

её не поразило, даже когда Билл стал расстегивать на Джики платье.

— Что вам налить?

— Виски.

— Пейте его поживее, а потом пойдём танцевать. Я схватил её за руку и попытался утянуть в другую комнату.

— А что мы там будем делать?

— Они здесь подняли такой шум.

Она пошла за мной, не пикнув. Она села на диван рядом со мной, но когда я стал её тискать, то получил пару таких затрещин, которые оставляют след в жизни мужчины. Меня охватил ужасный гнев, но мне удалось удержать на лице улыбку.

— Лапы прочь, — сказала Лу.

— Круто заворачиваете, — сказал я ей.

— Не я начала.

— Это не оправдание. Вы, что же, полагали, что это будет урок в воскресной школе? Или что здесь собрались, чтобы поиграть в бинго?

— У меня нет желания выступать в роли крупного куша.

— Хотите вы или нет, вы всё равно — крупный куш.

— Думаете о деньжатах моего отца.

— Нет, — сказал я. — Об этом.

Я опрокинул её на диван и рванул её платье. Она отбивалась, как тысяча чертей. Грудь её вырвалась на свободу из корсажа светлого шёлка.

— Отпустите меня! Животное!

— Нет, — сказал я. — Я мужчина.

— Вы мне противны, — сказала она, пытаясь вырваться. — Что вы делали целый час там, наверху, с Джин?

— Да ничего я не делал, — сказал я. — Вам прекрасно известно, что Джуди была с нами.

— Я начинаю понимать, что представляет собой ваша банда, Ли Андерсон, и с какими людьми вы общаетесь.

— Лу, клянусь вам, что я прикасался к вашей сестре только, чтобы помочь ей протрезветь.

— Вы лжете. Вы не видели её лицо, когда она сошла вниз.

— Право слово, — сказал я. — Можно поклясться, что вы завидуете!

Она остолбенело смотрела на меня.

— Да кто вы такой!.. За кого вы себя принимаете?

— Вы думаете, что если бы я тронул вашу сестру, мне потом захотелось бы заниматься вами?

— Она не лучше меня!

Я всё ещё удерживал её на диване. Она перестала вырываться. Грудь её стремительно поднималась и опускалась. Я наклонился над ней и поцеловал её груди,

долгим поцелуем, одну за другой, лаская соски языком. А потом я поднялся.

— Нет, Лу, — сказал я. — Она не лучше вас.

Я отпустил её и быстро отступил, потому что был готов к бурной реакции на мои слова. А она повернулась ко мне спиной и заплакала.

Глава VIII.

А потом я вернулся к будничной работе. Я закинул удочку, и теперь надо было ждать и предоставить событиям развиваться своим ходом. Я на самом деле считал, что опять увижусь с ними. Джин — не думаю, что она могла бы забыть меня, ведь я видел, какими глазами она на меня смотрела; что же до Лу, то здесь я немного рассчитывал на её возраст и на то, что я сделал с ней у Джики.

На следующей неделе я получил солидный груз — новые книги, которые стали для меня предвестниками конца осени и приближения зимы; я по-прежнему хорошо вел дела и копил доллары. Теперь у меня была уже кругленькая сумма. Так, мелочь, но этого было достаточно. Мне пришлось кое-что потратить, чтобы одеться во всё новое и подновить машину. Я подменял несколько раз гитариста единственного сносного оркестра в городе, игравшего в «Сторк-клубе». Думаю, что этот «Сторк-клуб» не имел ничего общего с нью-йоркским клубом того же названия, но

молодые типы в очках с удовольствием ходили туда с дочками страховых агентов или торговцев тракторами из здешних мест. Это приносило мне ещё определенную сумму, и я продавал книги тем, кого мог подцепить там. Ребята из банды порой тоже туда забредали. Я продолжал регулярно видеться с ними, и я по-прежнему спал с Джуди и Джики. Я не мог избавиться от Джики. Но это было очень удачно, что у меня были эти две девицы, потому что я был в потрясающей форме. Кроме того, я стал заниматься легкой атлетикой и мускулы мои стали похожи на мускулы боксера.

А потом однажды вечером, через неделю после вечеринки у Декстера, я получил от Тома письмо. Он просил меня приехать как можно быстрее. Я воспользовался субботой и рванул из города. Я знал, что у Тома была причина так написать, и думал, что она была не из приятных.

Во время выборов эти типы по приказу сенатора саботировали голосование; а сенатор Бэлбо, — такого мерзавца надо было ещё поискать. С тех пор, как чёрные участвовали в голосовании, он изощрялся в провокациях. И довел дело до того, что за два дня до выборов его люди разогнали собрание чёрных и двоих забили до смерти. Брат мой как преподаватель школы для чёрных, выразил публичный протест и послал письмо и был нещадно избит на следующий день. Он написал мне, чтобы я приехал за ним на машине, потому что решил уехать в другое место.

Том ждал меня в доме, один в тёмной комнате; он сидел на стуле. Его широкая ссутулившаяся спина и опущенная в ладони голова вызвали во мне боль; я почувствовал, как

напоенная гневом кровь, моя добрая негритянская кровь несется по венам и поет в моих ушах. Том поднялся и положил руки мне на плечи. Губы его распухли, и говорил он с трудом. Когда я хотел хлопнуть его по спине в знак утешения, он остановил мою руку.

— Они отстегали меня хлыстом, — сказал он.

— Кто это сделал?

— Люди Бэлбо и Моран-сын.

— Опять он!..

Мои кулаки невольно сжались. Сухой гнев постепенно овладевал мною.

— Хочешь, Том, я прикончу его?

— Нет, Ли. Мы не можем. Жизнь твоя будет тогда кончена. А у тебя есть шанс, ты не несешь на себе знаков.

— Но ты стоишь большего, нежели я, Том.

— Посмотри на мои руки, Ли. Посмотри на мои ногти. Посмотри на мои волосы и посмотри на мои губы. Я — негр, Ли. Мне от этого не уйти. А ты!..

Он замолчал и посмотрел на меня. Он по-настоящему любил меня.

— А ты, Ли, ты должен из этого выбраться. Бог поможет тебе выбраться. Он поможет тебе, Ли.

— Богу на это здорово наплевать, — сказал я. Он улыбнулся. Он знал, как мало я склонен к вере.

— Ли, ты оставил город слишком молодым, и ты утратил веру, но когда настанет час, Бог простит тебя. Бежать надо от людей. Но ты должен идти к Нему, раскрыв навстречу ладони и сердце.

— Куда ты хочешь отправиться, Том? Хочешь, я дам тебе денег?

— У меня есть деньги. Я хотел покинуть дом вместе с тобой. Я хочу... Он замолчал. Слова с трудом срывались с его раненых губ.

— Я хочу сжечь дом, Ли. Его построил наш отец. Мы обязаны отцу всем. Он был почти белый — по цвету кожи, Ли. Но вспомни, что он ни разу не помыслил о том, чтобы отречься от своей расы. Брат наш мертв, и никто не должен владеть домом, который построил наш отец своими негритянскими руками. Мне нечего было сказать. Я помог Тому увязать вещи, и мы погрузили их в нэш. Дом одиноко стоял на краю города. Я оставил Тома в доме и вышел, чтобы окончательно закрепить багаж. Он присоединился ко мне через несколько минут.

— Поехали, — сказал он, — поехали отсюда, потому что ещё не пришло время, когда на этой земле восторжествует справедливость для чернокожих людей.

Красный огонек помигивал на кухне и вдруг резко разросся. Послышался приглушенный взрыв бидона с бензином, и огонь достиг окна соседней комнаты. А потом длинный язык пламени прорвал деревянную стену, и ветер раздул пожар. Свет плясал вокруг нас, и лицо Тома в красных отблесках лоснилось от пота. Две крупные слезы скатились

по его щекам. Тогда он положил мне руку на плечо, мы повернулись и ушли. Думаю, что Том мог бы продать дом; он мог бы доставить неприятности Моранам, может быть, даже уничтожить одного из этой троицы, но я не хотел мешать ему поступать по-своему. А я поступал по-своему. В голове его засело множество предрассудков о добре и божественном. Он слишком честен, Том, и это его погубит. Он полагал, что, делая добро, в ответ получишь добро; но ведь если так бывает — это просто случай. Важнее — отомстить, и отомстить самым изощренным способом. Я подумал о малыше, который был ещё более меня, если только это возможно. Когда отец Энн Моран узнал, что малыш ухаживает за его дочерью и они встречаются, это кончилось быстро. Но малыш никогда не покидал этого города, а я больше десяти лет провел вдали от него, и, общаясь с людьми, не знавшими моего происхождения, я мог расстаться с этой отвратительной приниженностью, которую они внедрили в нас постепенно, как рефлекс; мерзкой приниженностью, которая исторгала из изуродованных уст Тома поток слов жалости, и ужасом, который заставлял наших братьев прятаться, слышав шаги белого человека; однако я прекрасно знал, что, взяв у белого цвет кожи, мы обрели над ним власть, потому что он болтлив и выдает себя перед тем, кого считает равным себе. С Биллом, Диком, Джуди я уже имел на два очка больше них. Но сказать им, что их поймел негр, — это значило почти ничего не добиться. А вот поимев Лу и Джин Эсквит, я взял бы реванш у Моранов и у них у всех. Двух за одного, и меня они бы не прикончили, как прикончили моего брата.

Том тревожно подремывал в машине. Я включил скорость. Я должен был отвезти его прямо на железнодорожный узел Мерчисон Джанкшн, где он сядет в «скорый», идущий на Север. Он решил отправиться в Нью-Йорк. Он был хороший парень, Том. Хороший парень, но слишком сентиментальный. Слишком смиренный.

Глава IX.

Я добрался до города на следующий день и вышел на работу, не поспав. Мне не хотелось спать. Я по-прежнему выжидал. Это случилось около одиннадцати часов. Раздался телефонный звонок, и Джин Эсквит пригласила меня и Декса и других своих друзей к себе на уик-энд. Я, естественно, принял приглашение, но без особого энтузиазма.

— Я высвобожу время...

— Постарайтесь приехать, — сказала она на другом конце провода.

— Ну, не настолько же вам не хватает кавалеров, — произнес я насмешливо. — Или уж действительно вы живете в страшной дыре.

— Здешние мужчины не умеют вести себя с девушкой, которая немножко перепила.

Я онемел, и она почувствовала это, потому что я услышал легкий смешок.

— Приезжайте, я и вправду хочу вас видеть, Ли Андерсон. И Лу тоже будет довольна...

— Обнимите её за меня, — сказал я, — скажите ей, чтобы она тоже проделала с вами.

Я взялся за работу с большей энергией. Уныние улетучилось. Вечером я присоединился к компании в аптеке и увез в нэше Джуди и Джики. Тачка — не самое удобное место, но там порой отыскиваешь неожиданно укромные уголки. И ещё одну ночь я отлично спал.

Чтобы дополнить свой гардероб, я купил на следующий день нечто вроде несессера и небольшой чемодан, пару пижам и разные мелочи — незначительные, но которых мне не доставало. Я не хотел казаться бродягой среди этих людей, и неплохо представлял себе, что значит выглядеть бродягой. В четверг вечером на той же неделе я закрывал кассу и заполнял свои бумажки, когда, около половины шестого, увидел машину Декстера, остановившуюся перед дверью. Я пошёл открыть ему, потому что уже закрыл лавку, и он вошёл.

— Привет, Ли, — сказал он мне. — Дела идут?

— И недурно, Декс. Ну, а как занятия?

— А, кое-как. Мне не хватает любви к бейсболу или хоккею, чтобы стать отличным студентом, знаете ли.

— Что привело вас сюда?

— Я заехал, чтобы забрать вас и пообедать где-нибудь вместе, а потом хочу повезти вас кое-куда, чтобы вы приобщились к одному из моих самых любимых развлечений.

— Согласен, Декс. Дайте мне минут пять.

— Жду вас в машине.

Я рассовал свои бумаги, сунул бабки в кассу, опустил железную штору, а потом вышел через заднюю дверь, захватив куртку. Стояла мерзкая, какая-то угнетающая погода, слишком теплая для этого времени года. Воздух был влажный, и вещи липли к ладоням.

— Возьму гитару? — спросил я у Декстера.

— Не стоит. Сегодня вечером я беру на себя обязанности затейника.

— Ну, как знаете.

Я сел впереди, рядом с ним. Его паккард — это было нечто совсем иное, нежели мой нэш, но этот парень совсем не умел управлять машиной. Чтобы добиться, чтобы при увеличении скорости у такой классной штуки начал стучать мотор, надо действительно здорово постараться.

— Куда вы меня везете, Декс?

— Сначала пообедаем с «Сторке», а потом я повезу вас туда, куда мы поедем.

— Вы в субботу поедете к Эсквитам, я думаю?

— Да. Я захвачу вас, если хотите. Это была возможность не приезжать туда в нэше. Такой поручитель, как Декстер, стоил немало.

— Спасибо. Принято.

— Играете в гольф, Ли?

— Попробовал раз в жизни.

— Есть у вас форма и клюшки?

— Да что вы! Вы приняли меня за кайзера?

— У Эсквитов есть поле для гольфа. Советую вам сказать, что ваш врач запретил вам играть.

— Как будто это поможет... — пробормотал я.

— Ну, а бридж?

— Ну, здесь-то — порядок.

— Полный порядок?

— Порядок.

— Тогда советую также объявить, что одна партия в бридж может быть для вас роковой.

— Но всё-таки, — настаивал я, — я умею играть...

— Можете вы проиграть пятьсот долларов и при этом не моргнуть глазом?

— Это меня несколько смутило бы.

— В таком случае последуйте и этому совету.

— Вы сегодня вечером так и сыплете любезностями, Декс,
— сказал я ему. — Если вы пригласили меня, чтобы дать
понять, что в глазах этих людей я — голодранец, говорите
сразу — и до свиданья.

— Лучше бы поблагодарили меня, Ли. Я даю вам средства,
которые помогут выстоять против этих людей, как вы их
называете.

— Не понимаю, почему вас это интересует.

— Это меня интересует.

Он замолчал на секунду и резко затормозил, чтобы не
проехать на красный свет. Паккард мягко опустился на
рессоры, двинувшись вперед, а потом вернулся на место.

— Что именно?

— Хотел бы я знать, что вам нужно от этих девочек?

— Все красивые девочки стоят того, чтобы ими заняться.

— У вас под рукой дюжины девочек, которые тоже красивы
и гораздо более доступны.

— Не думаю, что первая часть вашей фразы полностью
соответствует истине, — сказал я, — да и вторая тоже.

Он посмотрел на меня, явно что-то недоговаривая. Мне
больше нравилось, когда он следил за дорогой.

— Вы меня удивляете, Ли.

— Честно, — сказал я, — эти двое — в моем вкусе.

— Я знаю, что вы любите это, — сказал Декс. Он, конечно,
не это приберегал напоследок.

— Я не думаю, что с ними переспать труднее, чем с Джуди или Джики, — уверенно сказал я.

— Вы ведь стремитесь не только к этому?

— Только к этому.

— Тогда осторожней. Я не знаю, что вы сделали с Джин, но за пять минут телефонного разговора она изыскала возможность четырежды повторить ваше имя.

— Счастлив, что произвел на неё такое впечатление.

— Это не такие девушки, с которыми можно переспать, и не жениться на них. По крайней мере, я думаю, что они таковы. Я знаю их уже лет десять.

— Что ж, мне повезло, — сказал я. — Потому что я не намерен жениться на обеих, но переспать с обеими намерен.

Декстер ничего не ответил и опять взглянул на меня.

Рассказала ли ему Джуди о наших играх у Джики, или он ничего не знал? Я думаю, этот тип был способен догадаться о трех четвертях всего вокруг, даже если об остальном ему не рассказали.

— Выходите, — сказал он мне.

Тут я заметил, что машина стоит перед «Сторк-клубом», и вышел.

У входа я прошёл вперед, Декстер дал на чай брюнетке в гардеробе. Одетый в ливрею официант, которого я хорошо знал, провел нас к заранее заказанному столу. В этом кабаке они попытались собезьянничать столичный стиль, и это дало комические результаты. Проходя мимо, я пожал лапу

Блэки, главе оркестра. Был час коктейля, и оркестр играл что-то танцевальное. Большинство посетителей я знал в лицо. Но я привык видеть их с эстрады, и всегда очень забавно вдруг оказаться рядом с противниками, на стороне публики. Мы сели, и Декс заказал два тройных мартини.

— Ли, — сказал он мне, — я больше не хочу говорить с вами об этом, но будьте осторожней с этими девочками.

— Я всегда осторожен, — сказал я. — Не знаю, что вы имеете в виду, но, в общем, я всегда отдаю себе отчет в том, что делаю.

Он не ответил мне и через две минуты заговорил о другом. Когда он переставал говорить и действовать исподтишка, он мог изречь нечто и вправду интересное.

Глава X.

Мы оба неплохо нагрузились к моменту, когда вышли из клуба, и я, несмотря на протесты Декстера, сел за руль.

— Я не горю желанием, чтобы вы испортили мне портрет к субботе. Вы всегда смотрите по сторонам, когда ведете, и у меня рождается ощущение, что я умираю.

— Но вы не знаете дороги, Ли...

— Так что же! — сказал я. — Вы мне объясните.

— Это квартал, в котором вы никогда не бываете, и объяснить сложно.

— О, Декс, вы меня достали. Какая улица?

— Ну ладно, поехали на Стифенз стрит, 300.

— Это там? — спросил я, не совсем уверенно тыча указательным пальцем в направлении западной части города.

— Да. Вы знаете эту улицу?

— Я знаю всё, — заверил я его. — Внимание, трогаемся.

До чего же легко было управлять этим паккардом. Декс его не любил и предпочитал кадиллак своих родителей; но по сравнению с нэшем это была сплошная прелесть.

— Мы едем на Стифенз стрит?

— Рядом, — ответил Декс.

Несмотря на количество алкоголя, которое болталось в его потрохах, держался он молотком. Словно вообще не пил. Мы заехали в центр бедного квартала. Стифенз стрит начиналась прилично, но после номера 200 шли дешёвые жилые дома, а потом всё более жалкие одноэтажные лачуги. У трехсотого номера квартал всё ещё выглядел пристойно. Перед домами стояли кое где старые машины, чуть ли не эпохи фордов «Т». Я остановил тачку Декса там, где он указал.

— Идёмте, Ли, — сказал он. — Идём до конца.

Он закрыл дверцы, и мы отправились в путь. Свернув на поперечную улицу, мы прошли сотню метров. Здесь росли деревья и всюду были разрушенные ограды. Декс остановился перед двухэтажным строением, второй этаж

был деревянный. Каким-то чудом решетка, ограждавшая сад, а точнее грудю обломков, была в почти хорошем состоянии. Он вошёл, не предупреждая. Уже почти совсем стемнело, и в закоулках роились странные тени.

— Входите, Ли, — сказал он. — Это здесь.

— Я иду за вами.

Перед домом рос шиповник — один-единственный куст, но аромата его хватало, чтобы перекрыть запахи нечистот, которые витали вокруг. Декс взобрался по двум ступенькам к входной двери, лепившейся на боковой стороне дома. На звонок нам открыла толстая негритянка. Ни слова не говоря, она повернулась к нам спиной, и Декс последовал за ней. Я закрыл за собою дверь. Они смирно сидели на диване; обе были одеты в блузки и очень короткие юбочки.

— Вот господа, которые принесли вам доллары, — сказала негритянка. — Ведите себя с ними хорошо.

Она закрыла за собой дверь, оставив нас одних. Я посмотрел на Декстера.

— Раздевайтесь, Ли, — сказал он. — Здесь очень жарко.

Он повернулся к рыжей.

— Иди, помоги мне, Джо.

— Меня зовут Поли, — сказала девочка. — Вы дадите мне доллары?

— Конечно, — сказал Декс.

Он вытащил из кармана мятую десятидолларовую купюру и дал её малышке.

— Помоги мне расстегнуть брюки.

До этого момента я стоял, не шелохнувшись. Я смотрел, как встает рыжая. Ей, наверное, было чуть больше двенадцати. Под очень короткой юбкой видны были кругленькие ягодицы. Я знал, что Декс смотрит на меня.

— Я беру рыжую, — сказал мне он.

— Вы знаете, что за это нас могут засадить в тюрьму.

— Вас смущает цвет её кожи? — резко бросил он мне.

Это меня и удерживало. Он по-прежнему смотрел на меня из-под пряди, падающей на глаза. Он выжидал. Думаю, цвет лица у меня не изменился. Обе малышки застыли, немного испуганные...

— Иди сюда, Полли, — сказал Декс. — Хочешь выпить стаканчик?

— Я бы не хотела, — сказала она. — Я могу и не пить — я помогу вам.

Не прошло и минуты, как он был раздет, и посадив девочку себе на колени, задрал ей юбку. Лицо его потемнело, и он шумно дышал.

— Вы не сделаете мне больно? — сказала она.

— Не мешай мне, — ответил Декс. — А то не получишь доллары.

Он сунул руку ей между колен, и девочка заплакала.

— Замолчи! — сказал он. — А то велю Анне тебя поколотить...

Он повернул голову в мою сторону. Я не двигался.

— Вас смущает цвет её кожи? — повторил он. — Хотите мою?

— Да нет, порядок, — сказал я.

Я посмотрел на другую малышку. Она почесывала в затылке, совершенно безразличная ко всему. Она уже сформировалась.

— Иди сюда, — сказал я ей.

— Можете начинать, Ли, — сказал Декс, — они чистые. Замолчишь ты?

Полли перестала плакать и шумно втянула воздух.

— Вы слишком большой... — сказала она. — Мне от этого больно!..

— Замолчи, — сказал Декс. — Я дам тебе ещё пять долларов.

Он задыхался, как собака после бега. А потом схватил её за бедра и задвигался на стуле.

Теперь слезы Полли лились беззвучно. Маленькая негритянка смотрела на меня.

— Разденься, — сказал я ей, — и иди сюда на диван.

Я стянул куртку и расстегнул ремень. Она легко вскрикнула, когда я вошёл в неё.

И была она горяча, и это был адов жар.

Глава XI.

До наступления субботы я больше не виделся с Дексом... Я решил заехать к нему на своем нэше. Если он по-прежнему намерен ехать, я оставлю нэш в его гараже... Если же нет, поеду дальше. В тот вечер я оставил его зверски пьяным. Он, наверное, был гораздо пьянее, чем казался, и сорвался с тормозов. Малышка Полли сохранит след на левой груди, потому что этот скот задумал покусать её, он словно взбесился. Он полагал, что доллары её успокоят, но Анна-негритянка явилась без промедления и пригрозила, что больше его не примет. Уверен, что он явился в это местечко не впервые. Он всё не хотел отпускать Полли; запах этой рыженькой ему, наверное, нравился. Анна наложила ей что-то вроде повязки и дала снотворное, но ей пришлось оставить Полли Дексу, который вылизывал все её шрамы, издавая громкие горловые звуки. Я представлял себе, что он должен был испытывать, потому что не мог оторваться от своей чёрной малышки, но всё-таки я старался не ранить её; она ни разу не пожаловалась. Она лишь закрыла глаза.

Поэтому-то я и задавался вопросом, в состоянии ли Декс отправиться сегодня на уик-энд к Эсквитам. Накануне я сам проснулся в том ещё состоянии. И Рикардо мог это подтвердить: в десять часов утра он приготовил мне тройной зомби (1)¹ — другого средства привести себя в чувство я не знаю. В общем-то, я почти не пил, пока не

---

¹ 1 Зомби — коктейль из рома с фруктовым соком и содовой водой.

приехал в Бактон, и понимал, что совершил ошибку. При условии, что вы выпьете достаточное его количество, не было случая, чтобы это не прочистило мозги. В это утро всё было в порядке, и я остановился у дома Декса, будучи в полной норме. Вопреки предположениям, он уже ждал меня: свежевыбритый, в костюме из бежевого габардина и двухцветной — серо-розовой — сорочке.

— Вы уже завтракали, Ли? Ненавижу останавливаться в дороге, и потому заранее принимаю меры предосторожности. Этот Декстер был ясен, прост и чист, как младенец. Правда, младенец, которому было уже много лет. Из-за глаз.

— С удовольствием съем немного ветчины и джема, — ответил я.

Камердинер обслужил меня, обильно накладывая еду. Ненавижу, когда какой-то тип сует лапы в то, что я ем, но Декс считал, видно, это нормальным.

Вскоре после этого мы отбыли. Я перенес свой багаж из нэша в паккард, и Декс уселся справа.

— Ведите вы, Ли. Так-то лучше.

Он исподлобья взглянул на меня. Это был единственный намек на позавчерашний вечер. В продолжение всего путешествия он был в очаровательном настроении и рассказал мне кучу историй об Эсквитах-родителях, тех ещё мерзавцах, которые начинали жизнь с хорошим капиталом — тут всё пристойно, — но также с привычкой эксплуатировать людей, чья единственная вина состояла в том, что их кожа была другого цвета, нежели у них самих. У

Эсквитов были плантации сахарного тростника на Ямайке и Гаити, и Декс уверял, что у них пьют потрясающий ром.

— Это не сравнимо с зомби Рикардо, знаете, Ли.

— Тогда я — за, — заверил я его. И нажал на газ.

За час с небольшим мы сделали больше ста миль, и, когда въехали в Присквиль, Декстер стал подсказывать мне дорогу. Это был городишко поменьше, чем Бактон, но дома казались шикарнее, а сады были больше. Есть такие места, где чувствуешь: здесь живут те, у кого полно бабок. Ворота у Эсквитов были открыты, и я взял подъём к гаражу на первой передаче, и уж у меня мотор не стучал. Я поставил тачку рядом с другими машинами.

— Уже есть клиенты, — сказал я.

— Нет, — заметил Декстер. — Это машины хозяев. Думаю, кроме нас, никого нет. Будет ещё кое-кто из здешних. Они приглашают друг друга по очереди, потому что, оказавшись у себя дома, начинают жутко скучать.

— Понимаю, — сказал я. — Люди, достойные жалости, в конце концов.

Он рассмеялся и вышел. Мы взяли каждый свой чемодан и оказались нос к носу с Джин Эсквит. В руках её была теннисная ракетка. На ней были белые шорты, а после окончания игры она натянула жёлто-голубой пуловер, который потрясающе облегал её фигуру.

— О, вот и вы, — сказала она. Казалось, она в восторге от того, что видит нас.

— Идёмте, выпейте чего-нибудь. Я взглянул на Декстера, он — на меня, и мы оба согласно кивнули.

— Где Лу? — спросил Декс.

— Она уже поднялась к себе, — сказала Джин. — Ей надо переодеться.

— О! — сказал я подозрительно. — У вас переодеваются к бриджу?

Джин разразилась смехом.

— Я хочу сказать — переодеть шорты. Идите, наденьте что-нибудь более удобное и возвращайтесь. Вам покажут ваши комнаты.

— Надеюсь, вы тоже переоденете шорты, — насмешливо сказал я.

— Уже не менее часа прошло, как на вас всё те же. И получил ракеткой по пальцам.

— Я не потею! — заявила Джин. — Я не в том уже возрасте.

— И вы, конечно, проиграли эту партию?

— Да!.. Она опять рассмеялась. Она знала, что смеётся хорошо.

— Тогда я рискну предложить вам сет, — сказал Декс. — Не сразу, конечно. Завтра утром.

— Ну конечно, — сказала Джин.

Не знаю, может быть, я ошибался, но у меня сложилось впечатление, что она предпочла бы, чтобы это был я.

— Ладно, — сказал я. — Если у вас два корта, я сыграю с Лу, и проигравшие сыграют потом друг с другом. Постарайтесь проиграть, Джин, и тогда у нас с вами будет шанс сыграть друг с другом.

— О'кей, — резюмировал Декс, — поскольку все плутуют, проигравшим буду я.

Мы рассмеялись все трое. Было не очень смешно, но обстановка была несколько напряжённой, и надо было её разрядить. А потом мы с Дексом последовали за Джин в дом, и она препоручила нас чернокожей горничной — очень худой женщине с маленьким накрахмаленным чепцом на голове.

Глава XII.

Я переоделся в своей комнате и присоединился к Дексу и остальным внизу. Там было ещё двое парней и две девушки — поровну, — и Джин играла с одной из девиц и обоими парнями в бридж. Лу была там. Я оставил Декса в компании другой девицы и включил радио, подыскивая танцевальную музыку. Нашарил Стэна Кентона и оставил его. Лучше так, чем ничего. От Лу пахло в этот раз другими духами, которые мне понравились больше, но я захотел подшутить над ней.

— Вы поменяли духи, Лу.

— Да. Эти вам не нравятся?

— Нет, они приятные. Но вы же знаете, что так не делают.

— Как?

— Менять духи не принято. По-настоящему элегантная женщина остается верна своим духам.

— Где вы этого набрались?

— Все это знают. Это старинное французское правило.

— Мы не во Франции.

— Тогда почему же вы пользуетесь французскими духами?

— Это лучшие духи.

— Конечно; однако, если вы уважаете одно правило, это надо распространить и на всё остальные.

— Да скажите же мне, Ли Андерсон, где вы всего этого набрались?

— Это блага образования, — насмешливо проговорил я.

— В каком колледже вы учились?

— Ни в одном из тех, что известны вам.

— То есть?

— Я учился в Англии и Ирландии, прежде чем вернуться в США.

— Почему вы занимаетесь тем, чем сейчас занимаетесь? Вы могли бы зарабатывать больше денег.

— Я зарабатываю достаточно для того, что мне нужно, — сказал я.

— А какая у вас семья?

— У меня было два брата.

— И?

— Младший умер. Несчастный случай.

— А другой?

— Жив. Он в Нью-Йорке.

— Я хотела бы с ним познакомиться, — сказала она.

Казалось, она рассталась с той грубостью, которую демонстрировала у Декстера и у Джики, и забыла, что я делал там с нею.

— Я предпочитаю, чтобы вы его не знали, — сказал я. Я и вправду так думал. Но я ошибался, думая, что она всё забыла.

— У вас забавные друзья, — сказала она, резко переходя от одной темы к другой.

Мы продолжали танцевать. Между одной вещью и другой практически не было пауз, и это помогло мне избежать ответа.

— Что вы сделали с Джин, в тот раз? — сказала она. — Она сама не своя.

— Ничего я с ней не сделал. Я только помог ей протрезветь. Есть известный набор приемов.

— Не знаю, может быть, вы мне морочите голову. С вами трудно это понять.

— Да я прозрачен, как хрусталь!.. — заверил я её.

Теперь была её очередь не отвечать, и в течение нескольких минут она целиком предавалась танцу. Она расслабилась в моих руках и, казалось, ни о чем не думала.

— Хотела бы я быть там, — сделала она заключение.

— И я хотел бы того же, — сказал я. — Тогда бы вы сейчас были спокойны.

От этой фразы у меня самого загорелись уши. Я вспомнил тело Джин. Взять их обеих и одновременно прикончить, предварительно всё сказав им. Невозможно...

— Я не верю, что вы думаете так же, как говорите.

— Не знаю, что я должен сказать, чтобы вы поверили, что я так и думаю.

Она горячо запротестовала, заявила, что я педант, а потом обвинила меня в том, что я говорю, как австрийский психиатр. Это было слегка чересчур.

— Я хочу сказать — в какие моменты вы верите, что я говорю правду?

— Мне больше нравится, когда вы ничего вообще не говорите.

— И когда я вообще ничего не делаю?

Я сжал её крепче. Она, без сомнения, поняла, на что я намекал, и опустила глаза. Но я не собирался оставить её так легко. К тому же она сказала:

— Это зависит от того, что вы делаете...

— Вы одобряете не всё, что я делаю?

— Должно быть скучно, если вы это делаете со всеми.

Я чувствовал, что понемногу продвигаюсь вперед. Она почти дозрела. Ещё несколько усилий. Я хотел понять, действительно ли дело на мази.

— Вы говорите загадками, — сказал я. — Что вы имеете в виду?

На сей раз она опустила не только глаза, но и голову. Она на самом деле была гораздо ниже меня ростом. В волосах у неё я увидел большую гвоздику. Она ответила:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. О том, что вы делали со мной в тот день на диване.

— И что же?

— Вы делаете это со всеми женщинами, которых встречаете в своей жизни?

Я громко рассмеялся, и она ущипнула меня за руку.

— Не смейтесь надо мной, я не идиотка.

— Конечно, нет.

— Отвечайте на мой вопрос.

— Нет, — сказал я. — Я делаю это не со всеми женщинами.

Откровенно говоря, есть очень мало женщин, с которыми хочется это делать.

— Вы мне морочите голову. Я прекрасно видела, как ведут себя ваши друзья...

— Это не друзья, это приятели.

— Не придирайтесь к каждому слову, — сказала она. — Занимаетесь ли вы этим с приятельницами?

— Вы думаете, что можно захотеть делать это с подобными девицами?

— Я думаю... — прошептала она. — Бывают моменты, когда можно много разного делать со многими людьми.

Я посчитал, что надо воспользоваться этой фразой, чтобы чуть-чуть крепче обнять её. В то же время я пытался погладить её грудь. Но взялся за это слишком рано. Она мягко, но уверенно отодвинулась.

— В тот день, знаете ли, я выпила, — сказала она.

— Не думаю, — ответил я.

— О!.. Вы полагаете, что трезвая я позволила бы делать с собой такое?

— Конечно.

Она опять опустила голову, потом подняла её и сказала:

— Не думаете же вы, что я пошла бы танцевать с кем попало?

— Я и есть, кто попало.

— Вы прекрасно знаете, что нет.

Мне нечасто приходилось вести такие изнурительные беседы. Эта девица выскальзывала из рук, как угорь. То казалось, что она рванулась вперед, то вдруг она

становилась на дыбы при легчайшем контакте. И всё-таки я продолжал разговор.

— Что же отличает меня от других?

— Не знаю, вы хорошо смотрите, но есть что-то другое. Например, голос.

— И что же?

— Это необычный голос. Я опять громко рассмеялся.

— Нет, — настаивала она. — Это более низкий голос... более того... Не знаю, как бы сказать... более четкий.

— Это от привычки играть на гитаре и напевать.

— Нет, — сказала она. — Я не слышала, чтобы певцы и гитаристы пели так, как вы. Я слышала голоса, напоминающие мне ваш голос; ну да... там... на Гаити. Голоса негров.

— Вы мне делаете комплимент, — сказал я. — Лучших музыкантов не сыскать.

— Не говорите глупостей!

— Вся американская музыка произошла оттуда, — уверенно сказал я.

— Я так не думаю. Все большие оркестры, играющие танцевальную музыку, — это оркестры белых.

— Ну, конечно, у белых лучше положение, и они могут использовать открытия, сделанные чёрными.

— Не думаю, что вы правы. Все великие композиторы — белые.

— Например, Дюк Эллингтон.

— Нет, Гершвин, Керн, и все другие.

— Все — эмигранты из Европы, — заверил я её. — И эти-то — самые лучшие потребители открытий чёрных. Не думаю, что можно найти у Гершвина оригинальный пассаж, который он не скопировал бы, совершив плагиат, а потом воспроизведя. Предлагаю вам найти такой пассаж в «Рапсодии в голубых тонах».

— Станный вы, — сказала она. — Я не выношу негров.

Это было слишком прекрасно. Я подумал о Томе, я был близок к тому, чтобы вознести благодарственную молитву Господу. Но я сейчас слишком сильно хотел эту девицу, чтобы позволить себе поддаться гневу. А чтобы сделать хорошее дело, не стоит тревожить Господа.

— ВЫ такая же, как другие, — сказал я. — Вы слишком хвалитесь тем, что другим уже давно известно.

— Не понимаю, что вы хотите сказать?

— Вам бы надо попутешествовать, — объяснил я. — Знаете, не только белые американцы изобрели кино, автомобиль, нейлоновые чулки и лошадиные бега. Это касается и джаза.

— Поговорим о другом, — сказала Лу. — Вы читаете слишком много книг, вот и всё.

За соседним столом те, другие, продолжали играть в бридж; если я не заставлю эту девицу выпить, я и вправду ничего не добьюсь. Надо быть настойчивее.

— Декс говорил мне о вашем роме, — продолжал я. — Это миф, или он действительно доступен и простым смертным?

— Конечно, вы его получите, — сказала Лу. — Я должна была подумать о том, что вы хотите выпить.

Я отпустил её, и она скользнула к чему-то напоминающему бар в конце салона.

— Смесь? — спросила она. — Белый ром с красным?

— Идёт. Если можно, добавьте апельсинового сока. Я умираю от жажды.

— Это можно, — заверила она меня.

Сидевшие за столом игроки в бридж привлекли наше внимание к себе громкими криками.

— Эй!.. Лу! То же самое для всех!..

— Хорошо, — сказала она, — но вы заберете сами.

Мне нравилось смотреть, как эта девица наклонялась вперед. На ней было платье из чего-то, похожего на джерси, плотно прилегающее, с круглым декольте, открывавшим взору место, где начинаются груди, волосы её были, как в тот день, когда я увидел её впервые, на одну сторону — сегодня на левую. Она была гораздо меньше накрашена и так соблазнительна, что хотелось прямо впиться в неё.

— Вы действительно очень хорошенькая девушка, — сказал я. Она выпрямилась, держа в руке бутылку рома.

— Не начинайте...

— Я не начинаю. Я продолжаю.

— Значит — не продолжайте. С вами всё идёт слишком быстро. Пропадает всё удовольствие.

— Нельзя, чтобы всё длилось слишком долго.

— Вовсе нет. Если это приятно, это должно длиться всегда.

— А вы знаете, что может быть приятно?

— Да. Например, разговаривать с вами.

— Это приятно только вам. Это эгоистично.

— Да вы просто хам! Скажите ещё, что от моих разговоров сдохнуть можно!..

— Я не могу смотреть на вас, не думая, что вы созданы не для разговоров, а разговаривать с вами и не смотреть на вас трудно. Но мне хочется продолжать нашу беседу. Пока я говорю с вами, я не играю в бридж.

— Вы не любите бридж?

Она наполнила стакан и протянула его мне. Я взял его и наполовину осушил.

— Мне нравится это.

Я указал на стакан.

— И мне нравится, что приготовили это вы.

Она порозовела.

— Так приятно, когда вы такой.

— Уверяю вас, что могу быть приятным в массе других ситуаций.

— Вы — позер. Вы хорошо сложены и думаете, что все женщины только этого и хотят.

— Чего — этого?

— Физического.

— Те, кто этого не хочет, — уверенно сказал я, — никогда не пробовали.

— Это неправда.

— А вы пробовали?

Она не ответила, нервно сплела пальцы, а потом решилась.

— То, что вы делали со мной, в прошлый раз...

— И что же?

— Это не было приятно. Это было... Это было ужасно!

— Но не неприятно?

— Нет... — ответила она совсем тихо.

Я не настаивал и допил стакан. Я вновь овладел оставленной территорией. Боже святой, до чего же трудно будет мне с этой девицей; есть форели, которые производят такое же впечатление.

Джин встала и пришла за стаканами.

— Вы не скучаете с Лу?

— Лу очаровательна, — сказал я. — Она мне очень нравится. Могу я просить у вас её руки?

— Никогда в жизни!.. — сказала Джин. — У меня право первенства.

— Ну, а я что же? — сказала Лу. — Залежалый товар?

— Ты молода, — сказала Джин. — У тебя есть время. Я...

Я рассмеялся, потому что Джин выглядела самое большее на два года старше своей сестры.

— Не смейтесь, как идиот, — сказала Лу. — Разве у неё не поблекший вид? Право слово, мне нравились эти две девицы. Они к тому же, похоже, хорошо понимали друг друга.

— Если вы с возрастом не станете хуже, — сказал я, обращаясь к Лу, — я с удовольствием женюсь на вас обеих.

— Вы отвратительны, — сказала Джин. — Я возвращаюсь к своему бриджу. А потом вы потанцуете со мной.

— Вот чёрт! — сказала Лу. — На сей раз у меня право первенства. Иди играй в свои мерзкие карты.

Мы опять пошли танцевать, но программа поменялась, и я предложил Лу прогуляться, чтобы слегка размяться.

— Не знаю, хочу ли я остаться с вами наедине, — сказала она.

— Вы не многим рискуете. В сущности, вы всегда можете позвать на помощь.

— Ну да, — возразила она. — Чтобы выглядеть идиоткой!..

— Что ж, — сказал я. — Тогда я выпил бы немного, если вы не против.

Я направился к бару и соорудил себе бодрящее пойло. Лу осталась там, где я покинул её.

— Хотите?

Она покачала головой, прикрыв свои жёлтые глаза. Я перестал заниматься ею, перешёл на другой конец комнаты и стал следить за игрой Джин.

— Я пришёл принести вам удачу, — сказал я.

— Момент подходящий!

Она слегка повернулась ко мне, сияя улыбкой.

— Я проигрываю триста долларов. Вы считаете, что это смешно?

— Всё зависит от того, какой процент от вашего приданого это составляет, — ответил я.

— Может, прекратим игру? — предложила она.

Трое других, которым, похоже, играть хотелось не больше, чем заниматься чем-либо другим, дружно поднялись с мест. Что же до некоего Декстера, то он уже некоторое время назад увлек четвертую девушку в сад.

— Что, ничего другого нет? — сказала Джин, презрительно указывая пальцем в сторону радио. — Я найду вам кое-что получше.

Она покрутила ручки настройки и действительно отыскала что-то, подо что можно было танцевать. Один из двух парней пригласил Лу. Двое других пошли танцевать вместе, а я повел выпить Джин до того, как начнем. Уж я-то знал, что ей нужно.

Глава XIII.

К моменту, когда мы с Декстером разошлись спать по своим комнатам, я практически больше ни слова не сказал Лу после нашей долгой беседы. Наши спальни были на втором этаже, на той же стороне, что и спальни девушек. Родители занимали другое крыло. Остальные вернулись к себе домой. Я говорю, что родители занимали другое крыло, но в то время они опять уехали то ли в Нью-Йорк, то ли на Гаити, то ли ещё куда-то. Комнаты были расположены в следующем порядке: моя спальня, потом спальни Декстера, Джин и Лу. Для совершения налетов я был расположен весьма удачно.

Я разделся, принял хороший душ и энергично растерся рукавицей из конского волоса. Я слышал неясный шум передвижений в комнате Декстера. Он вышел и вернулся пятью минутами позже, и я расслышал звук, какой бывает, когда наполняют стакан. Он совершил небольшую снабженческую экспедицию, и я подумал, что идея эта недурна. Я легонько постучал в дверь, которая одновременно была дверью ванной и дверью в его комнату. Он откликнулся.

— Эй! Декс, — сказал я через дверь. — Мне почудилось или я вправду расслышал звон бутылок?

Это был ром. Нет ничего лучше, для того чтобы заснуть или остаться бодрствовать — в зависимости от времени суток. Я

намеревался продолжать бодрствовать, а Декс, как я слышал, вскоре улегся. Он пил его с другой целью.

Я выждал полчаса и тихо вышел из своей комнаты. На мне были трусы и пижамная куртка. Не выношу пижамные брюки. Невыносимое устройство.

Коридор был темен, но я знал, куда направляюсь. Я продвигался вперед без предосторожностей, потому что толщины ковра хватило бы, чтобы заглушить шум бейсбольного матча; и вот я тихонько постучал в дверь Лу.

Я услышал, как она приближается; скорее, я почувствовал это, и ключ повернулся в замке. Я проскользнул в комнату и живо закрыл за собой лакированную дверь.

На Лу было потрясающее белое дезабилье, которое она, наверное, похитила у одной из «Варгас Герл». Её туалет состоял из кружевного лифчика и крохотных трусиков в том же стиле.

— Я пришёл узнать, по-прежнему ли вы сердитесь на меня,
— сказал я.

— Уходите отсюда, — запротестовала она.

— А почему вы мне открыли? Кто это мог быть, по-вашему?

— Не знаю, право! Может быть, Сюзи...

— Сюзи легла. Другие слуги тоже. Вы это прекрасно знаете.

— К чему вы клоните?

— К этому.

Я подхватил её на руки и поцеловал в соответствующем стиле. Не знаю, что делала в это время моя левая рука, но Лу отбивалась, и я получил в левое ухо такой удар кулаком, который затмил всё остальные, что мне было ниспослано свыше снести до сего дня. Я отпустил её.

— Вы — дикарь, — сказала она.

Волосы её были причесаны нормально, они слегка растрепались, посередине шёл пробор; она и вправду была отборный экземпляр. Но я пребывал в спокойствии. В этом мне помогал ром.

— Вы производите слишком много шума, — сказал я. — Джин, конечно, вас услышит.

— Между нашими комнатами есть ванная.

— Замечательно.

Я возобновил атаку и приступил к её дезабилье. Мне удалось сорвать с неё трусики прежде, чем она снова меня ударила. Но я перехватил её у запястья и соединил ей руки за спиной. Они очень ладно легли в моей правой ладони. Она боролась бесшумно, но яростно и пыталась нанести мне удар коленом; я обхватил её левой рукой за талию и плотно прижимал к себе. Она попыталась укусить меня через пижаму. Мне никак не удавалось освободиться от проклятых трусов. Тогда я неожиданно отпустил её и толкнул на постель.

— В конечном итоге, — сказал я, — до сих пор вы справлялись с ситуацией самостоятельно. С моей стороны было бы глупо перенапрягаться из-за такой малости.

Она была на грани слез, но глаза её сверкали гневом. Она даже не пыталась вновь одеться, и я ею любовался. Гривка между ног у неё была густая и чёрная, блестящая, как каракуль. Я развернулся и направился к двери.

— Желаю хорошего сна, — сказал я. — Простите меня за легкий беспорядок, который я внес в ваш туалет. Я не осмеливаюсь предложить себя для приведения его в порядок, но рассчитываю получить от вас счёт.

Мне трудно было быть таким хамом, однако определенные способности у меня есть. Она ничего не ответила, но я видел, как сжались её ладони в кулаки и как она прикусила губу. Она резко повернулась ко мне спиной, и какую-то секунду я продолжал стоять, любясь ею в этом ракурсе. В самом деле, жаль. Я вышел, пребывая в очень странном состоянии. Не стесняясь, я открыл следующую дверь — дверь Джин. Она не закрыла её на ключ. Я уверенно направился к ванной комнате и закрыл никелированную задвижку.

А потом я снял пижамную куртку и расстался с трусами. Комната была озарена мягким светом, и оранжевые обои ещё больше смягчали атмосферу. Совершенно нагая Джин лежала ничком на низкой кровати, и делала маникюр. Она повернула голову и следила за мной, пока я закрывал двери.

— Нахальства вам хватает, — сказала она.

— Да, — ответил я. — А вы меня ждали.

Она рассмеялась и передвинулась на кровати. Я сел рядом с ней и стал гладить ей ляжки. Она была бесстыдна, как десятилетний ребенок. Она села и пощупала мои бицепсы.

— А вы здоровяк.

— Я слаб, как только что родившийся агнец, — заверил я её.

Она потерлась о мое плечо и поцеловала меня, но тут же отодвинулась и вытерла губы.

— Вы идёте от Лу. От вас пахнет её духами.

Я не подумал об этой проклятой привычке. Голос Джин дрожал, и она старалась не смотреть на меня. Я схватил её за плечи.

— Вы неразумны.

— От вас пахнет её духами. — Вот видите!..

— Я должен был извиниться, — сказал я. — Я её немножко обидел.

Я подумал о том, что Лу, может быть, ещё стоит на три четверти голая посреди своей комнаты, и это меня ещё больше возбудило. Джин заметила это и покраснела.

— Это вас смущает? — спросил я.

— Нет, — прошептала она. — Могу я потрогать вас? Я вытянулся на постели и заставил её лечь рядом со мной. Её руки робко шарили по моему телу.

— Вы очень сильный, — сказала она тихим голосом.

Мы теперь оба лежали на боку лицом друг к другу. Я легонько толкнул её и повернул на другой бок, а потом придвинулся к ней. Она легко раздвинула ноги, чтобы помочь мне.

— Вы мне сделаете больно.

— Ни за что, — сказал я.

Я просто касался пальцами её груди, идя снизу к соскам, и чувствовал, как она дрожит всем телом. Её круглые горячие ягодицы плотно легли между моих бёдер; она дышала всё чаще.

— Хотите, я погашу свет? — прошептал я.

— Нет, — сказала Джин. — Лучше — так.

Я отнял левую руку от низа её тела и отвел ей волосы у правого уха. Многие просто не знают, что можно сделать с женщиной, целуя и покусывая её ухо; это замечательный маневр. Джин стала извиваться, как угорь.

— Не делайте так.

Я тут же перестал, но она схватила меня за запястье и обняла с неожиданной силой.

— Сделайте так ещё.

Я начал медленнее и почувствовал, как она напряглась вдруг, а потом расслабилась и уронила голову. Рука моя скользнула вниз по её животу, и я понял всё. Я стал осыпать её шею беглыми летучими поцелуями. Я видел, как напрягается её кожа по мере того, как я приближался к груди. А потом я вошёл в неё так легко, что не знаю даже, заметила ли она это прежде, чем я начал движение. Всё дело в том, как совершенны приготовления. Но она освободилась легким движением поясницы.

— Вам не нравится? — спросил я.

— Поласкайте меня ещё. Ласкайте меня всю ночь.

— Так я и намерен действовать, — сказал я. Я опять овладел ею, на сей раз — грубо. И кончил, прежде чем она получила удовлетворение.

— Вы меня с ума сведете... — прошептала она. Она перевернулась на живот, спрятав голову между локтей. Я поцеловал её поясницу и ягодицы, а потом встал над нею на колени.

— Раздвиньте ноги, — сказал я. Она ничего не сказала и мягким движением раздвинула ноги. Рука моя скользнула между её бёдер, я прокладывал себе дорогу, но ошибся в направлении. Она опять напряглась, но я настаивал.

— Я не хочу, — сказала она.

— Встаньте на колени, — сказал я.

— Я не хочу.

А потом она выгнула талию и подогнула колени. Она по-прежнему прятала голову между рук, и я постепенно добрался, куда хотел. Она ничего не говорила, но я чувствовал, как поднимается и опускается её лоно и ускоряется её дыхание. Не отпуская её, я откинулся на бок, увлекая её за собой, и когда я захотел увидеть её лицо, слезы текли из-под её закрытых век, но она сказала, чтобы я в ней остался.

Глава XIV.

Я вернулся в свою комнату в пять утра. Джин не пошевельнулась, когда я отпустил её, она была обессилена. Ноги мои были не совсем тверды, но мне удалось выбраться из постели в десять утра. Думаю, что ром Декса помог мне. Я залез под холодный душ и попросил Декса немного побоксировать со мной. Я думал, как чувствует себя Джин. Что до Декса, то он слишком приналег на ром: на расстоянии двух метров от него ужасно несло. Я посоветовал ему выпить литра три молока и сыграть партию в гольф. Он думал встретиться с Джин на теннисной площадке, но она ещё не вставала. Я спустился к завтраку. Лу одиноко сидела за столом; на ней была плиссированная юбочка и замшевая куртка поверх блузки из светлого шёлка. Мне действительно её хотелось. Но в то утро я чувствовал себя умиротворенным. Я поздоровался с нею.

— Доброе утро. Тон её был холоден. Нет, скорее — грустен.

— Вы сердиты на меня? Приношу вам свои извинения за вчерашний вечер.

— Думаю, вы ни в чем не виноваты, — сказала она. — Таким уж вы уродились.

— Нет. Таким я стал.

— Меня ваши истории не интересуют.

— Вы не в том возрасте, когда мои истории могут быть интересны...

— Я заставлю вас пожалеть о том, что вы сейчас сказали, Ли.

— Хотел бы я знать, каким образом.

— Не будем больше об этом говорить. Сыграете сет со мной?

— С удовольствием, — ответил я. — Мне необходима разрядка. Она не удержалась от улыбки, и, как только завтрак был закончен, я последовал за нею на корт. Эта девица не могла долго сердиться.

Мы играли в теннис до полудня. Я больше не чуял под собою ног, и всё вокруг стало казаться мне окрашенным в серые тона, когда с одной стороны появилась Джин, а с другой — Декс. Они были в столь же плачевном состоянии, что и я.

— Привет! — сказал я Джин. — Я вижу, вы в форме.

— Вы на себя поглядите, — огрызнулась она.

— В этом виновата Лу, — заявил я.

— А в том, что старину Декса надо лопатой собирать, тоже я виновата? — запротестовала Лу. — Вы перепили рома, вот и всё. О, Декс! От вас несет ромом за пять метров!

— Ли сказал — за два, — живо возразил Декстер.

— Я так сказал?

— Лу, — сказал Декс, — сыграйте со мной.

— Это несправедливо. Играть должна Джин, — сказала Лу.

— Невозможно! — сказала Джин. — Ли, сделаем круг до обеда.

— А когда здесь обедают? — запротестовал Декс.

— Меньше, чем через час, — сказала Джин. Она взяла меня под руку и потянула к гаражу.

— Возьмем машину Декса? — сказал я. — Она стоит первой от входа, это удобнее.

Она не ответила. Она очень крепко сжала мою руку и ещё ближе подвинулась ко мне. Я силился говорить о всякой ерунде; она по-прежнему ничего не отвечала. Она отпустила мою руку, чтобы сесть в машину, но, как только я сел рядом, она пристроилась предельно близко ко мне, оставив мне минимальную возможность владеть рулем. Я выехал и спустился по аллее. Ворота были открыты, я свернул направо. Я не знал, куда ведет дорога.

— Как выехать из города? — спросил я Джин.

— Всё равно, как... — прошептала она. Я взглянул на неё в зеркальце. Она закрыла глаза.

— Послушайте, вы слишком долго спали, — настойчиво заговорил я, — и это вас утомило.

Она выпрямилась резко, словно сумасшедшая, и схватила меня обеими руками за голову, чтобы поцеловать. Я предусмотрительно затормозил — это значительно снижает видимость.

— Поцелуйте меня, Ли...

— Подождите хотя бы, пока мы выедем из города.

— Мне всё равно, ну их. Пусть они всё об этом знают.

— А ваша репутация?

— Вы не всегда помните о ней. Обнимите меня.

Целоваться можно, ну, пять минут, но не мог же я заниматься этим всё время. Спать с нею, переворачивать её так и эдак — это я согласен. Но не целоваться. Я отстранился.

— Будьте паинькой.

— Поцелуйте меня, Ли. Пожалуйста.

Я увеличил скорость, повернул в первую улицу направо, потом налево; я пытался встряхнуть её, чтобы она меня отпустила и вцепилась во что-нибудь другое; но это нелегко сделать, когда ведешь паккард. Он был непоколебим. Джин воспользовалась этим, чтобы снова обнять меня обеими руками.

— Уверяю вас, чего только не расскажут о вас в этих краях.

— А я бы хотела, чтобы нарасказали ещё больше. Все будут так раздражены, когда...

— Когда?

— Когда узнают, что мы поженимся.

Господи Боже святой, чёрт возьми, куда клонила эта девица! Есть такие, на которых это действует так же, как валерьянка на кошку или дохлая жаба на фокстерьера. Они бы приставали с этим делом всю свою жизнь.

— Мы поженимся?

Она склонила голову и поцеловала мою правую руку.

— Конечно.

— Когда?

— Сейчас.

— Ну, не в воскресенье же.

— Почему? — сказала она.

— Нет. Это — идиотизм. Ваши родители не будут согласны.

— Мне это безразлично.

— У меня нет денег.

— Достаточно для двоих.

— С трудом хватает мне одному, — сказал я.

— Родители дадут мне денег.

— Не думаю. Ваши родители меня не знают. Да и вы не знаете меня, ведь так?

Она покраснела и спрятала лицо на моем плече.

— Вот и нет, я знаю вас, — прошептала она. — Я могла бы описать вас по памяти — целиком.

Я решил посмотреть, как далеко это может зайти, и сказал:

— Масса женщин могли бы описать меня подобным образом.

Она не прореагировала.

— Мне это безразлично. Больше они этого делать не будут.

— Но вы ничего обо мне не знаете.

— Я не знала ничего о вас. Она стала напевать песню Дюка с таким названием.

— Вы и сейчас знаете не больше, — заверил я её.

— Тогда расскажите мне, — сказала она, перестав петь.

— В конце концов, — сказал я, — не знаю, как я мог бы помешать вам выйти за меня замуж. Вот разве если уеду. Но мне не хочется уезжать.

Я не добавил: «пока не получил Лу», но именно это я хотел сказать. Джин приняла всё за чистую монету. Эта девица была в моих руках. Надо было ускорить ход дела с Лу.

Джин положила голову мне на колени, а сама пристроилась на краю сиденья.

— Расскажите мне, прошу вас, Ли.

— Хорошо, — сказал я. Я сообщил ей, что родился где-то в Калифорнии, что у отца моего были шведские корни, и отсюда — мои белокурые волосы. У меня было трудное детство, потому что родители мои были очень бедны, и в возрасте девяти лет, в самый разгар депрессии, я играл на гитаре, чтобы зарабатывать на жизнь, а потом мне повезло: я встретил одного типа, когда мне было четырнадцать лет, он заинтересовался мною, увез меня с собой в Европу, Великобританию и Ирландию, где я провел десять лет.

Все это были бредни. Я действительно десять лет прожил в Европе, но не в таких условиях, а всем, чему я научился, я был обязан лишь самому себе и библиотеки типа, у которого я работал в качестве слуги. Я не сказал ей ни слова

и о том, как этот тип обращался со мной, зная, что я негр, ни о том, что он делал, когда его приятели не заходили повидать его, ни о том, как я расстался с ним, заставив его подписать чек для оплаты моего путешествия обратно и прибегнув для этого к специфическим знакам внимания.

Я рассказал ей кучу чепухи о моем брате Томе, и о малыше, и как он погиб в результате несчастного случая; считали, что не обошлось без негров, эти типы — большие притворщики, это раса прислужников, и что одна мысль приблизиться к существу с другим цветом кожи делает меня больным. Итак, я вернулся, и обнаружил, что дом моих родителей продан, брат мой Том — в Нью-Йорке, малыш в шести футах под землей, и тогда я стал искать работу, и я обязан этим местом в книжной лавке другу Тома; это-то было правдой.

Она внимала мне, как проповеднику, а я знай наяривал; я сказал ей, что считаю, что её родители не согласятся на наш брак, потому что ей нет ещё двадцати лет. Но ей только что исполнилось двадцать, и она могла обойтись без согласия родителей. Но я мало зарабатывал. Она предпочитала, чтобы я сам зарабатывал деньги — и честно, и её родители, конечно, полюбят меня и найдут мне более интересную работу на Гаити на одной из своих плантаций. Тем временем я пытался как-то сориентироваться и наконец выбрался на дорогу, по которой прибыли мы с Дексом. Пока что я вернусь к своей работе, и она приедет повидать меня на неделе; мы как-нибудь устроимся, чтобы рвануть на Юг или провести несколько дней в какомнибудь местечке,

где нам никто не помешает, а потом вернемся уже женатыми, и дело будет сделано.

Я спросил её, скажет ли она об этом Лу; она сказала — да, но не о том, что мы делали вместе; говоря об этом, она опять возбудилась. К счастью, в это время мы уже приехали.

Глава XV.

Послеобеденное время мы провели кое-как. Погода была хуже, чем накануне. Настоящая осенняя погода; я поостерегся играть в бридж с друзьями Джин и Лу; я помнил советы Декса; момент был неподходящий, чтобы бросить на ветер те несколько сотен долларов, что мне удалось скопить; в сущности, эти типы мало беспокоились, будет ли у них пятью-шестью сотнями больше или меньше. Им хотелось убить время.

Джин то и дело кидала на меня взгляды по поводу и без повода, и я сказал ей, воспользовавшись минутой наедине, чтобы она была поосторожнее. Я ещё потанцевал с Лу, но она была настороже; мне не удалось направить разговор на достойный сюжет. Я почти полностью оправился после ночи и опять стал возбуждаться всякий раз, как смотрел на её грудь; она, правда, дала немного себя потискать, пока мы танцевали. Как и накануне, друзья уехали непоздно, и мы остались вчетвером. Джин уже не держалась на ногах, но хотела ещё и ещё; мне стоило немалых усилий уговорить её

подождать; к счастью, усталость оказала свое действие. Декс продолжал налегать на ром. Мы поднялись к себе около десяти часов, и я почти сразу спустился, чтобы взять какую-нибудь книгу. Мне не хотелось вязаться с Джин, а спать хотелось недостаточно.

А потом, войдя к себе в комнату, я застал на своей кровати Лу. На ней было то же дезабилье, что и вчера, а трусики — другие. Я не прикоснулся к ней. Закрыл на ключ дверь в комнату и дверь ванной и лег, словно её здесь и нет. Когда я снимал с себя шмотье, я услышал, как участилось её дыхание. Улегшись в постель, я решил с ней заговорить.

— Сегодня вас не хочется спать, Лу? Могу я что-нибудь сделать для вас?

— Уверена, что теперь вы не отправитесь к Джин, — ответила она.

— Что заставляет вас полагать, что я был у Джин прошлой ночью?

— Я слышала вас, — сказала она.

— Вы меня удивляете... Я ведь ни капли не шумел, — насмешливо сказал я.

— Почему вы закрыли обе двери?

— Я всегда сплю с закрытыми дверьми, — сказал я. — Не очень-то стремлюсь проснуться рядом неизвестно с кем.

Она, наверно, надушилась с головы до ног. Пахло от неё на расстоянии километра, и макияж её был безупречен. Она была причесана, как накануне, — волосы разделены

пробором; мне стоило лишь протянуть руку, чтобы взять её, как спелый апельсин, но я имел предъявить ей небольшой счётец.

— Вы были у Джин, — уверенно сказала она.

— В любом случае, вы меня выставили за дверь, — сказал я. — Это всё, что я могу припомнить.

— Мне не нравятся ваши манеры, — сказала она.

— А я считаю, что веду себя очень корректно сегодня вечером, — сказал я. — Приношу свои извинения, что был вынужден раздеваться перед вами, но ведь вы всё равно, я в этом уверен, не смотрели.

— Что вы сделали с Джин? — продолжала она настаивать.

— Послушайте, — сказал я. — Я удивлю вас, но иначе поступить не могу. Лучше, если вы будете знать. Я поцеловал её в тот день, и с тех пор она непрерывно бежит за мной.

— Когда?

— Когда я помогал ей протрезветь у Джики.

— Я знала это.

— Она меня почти заставила сделать это. Знаете, я ведь тоже немного выпил.

— Вы её действительно поцеловали?..

— То есть?

— Как меня... — прошептала она.

— Нет, — просто ответил я с той искренней интонацией, которая мне очень нравилась. — Ваша сестра надоеда, Лу. Я вас хочу. Я поцеловал Джин, как поцеловал бы... как поцеловал бы свою мать, а она удержу не знает. Не знаю, как от неё избавиться; боюсь, что это мне не удастся. Она, конечно, скажет вам, что мы поженимся. Это нашло на неё сегодня утром, в машине Декса. Она хорошенькая, но я её не хочу. Думаю, она слегка чокнутая.

— Вы целовали её раньше, чем меня.

— Это она меня целовала. Вы же знаете, что мы всегда признательны тем, кто нами занимался, когда мы перебрали...

— А вы жалеете, что поцеловали её?

— Нет, — сказал я. — Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не вы были пьяны в тот вечер вместо неё.

— Теперь вы можете меня поцеловать, — сказала она.

Она не пошевелинулась и смотрела прямо перед собой, но ей немало стоило сказать это.

— Я не могу поцеловать вас, — сказал я. — С Джин это ничего не значило. С вами же — да я от этого заболею. Я не коснусь вас, пока...

Я не закончил фразу, пробормотал нечто неразборчивое и отвернулся от неё.

— Пока — что? — спросила Лу. Она слегка развернулась и положила ладонь мне на плечо.

— Это идиотство, — сказал я. — Это невозможно...

— Говорите же...

— Я хотел сказать... пока мы не поженимся, Лу, — вы и я. Но вы слишком молоды, и я никогда не смогу избавиться от Джин, и она никогда не оставит нас в покое.

— Вы и вправду так думаете?

— Что?

— Чтобы жениться на мне?

— Я не могу серьезно думать о невозможном, — возразил я.

— Но что касается желания, клянусь вам, я действительно этого хочу.

Она встала с кровати. Я по-прежнему лежал отвернувшись. Она ничего не говорила. Я тоже молчал; я почувствовал, как она вытянулась на постели.

— Ли, — сказала она через мгновение.

Я чувствовал, что сердце мое бьется так сильно, что в такт ему слегка вибрирует кровать. Я обернулся. Она сняла с себя дезабилье и всё остальное и лежала, закрыв глаза. Я подумал, что Говард Хьюз снял бы дюжину фильмов, лишь бы в них была грудь этой девушки. Я не прикоснулся к ней.

— Я не хочу делать это с вами, — сказал я. — Вся эта история с Джин противна мне. Пока вы не познакомились со мной, вы прекрасно ладили друг с другом. У меня нет желания разлучать вас так или иначе.

Не знаю, хотелось ли мне чего-нибудь другого, кроме как трахать её, пока не стану от этого совершенно больным,

когда будут жить лишь мои рефлексy. Но мне удалось устоять.

— Джин влюблена в вас, — сказала Лу. — Это бросается в глаза.

— Тут я бессилен.

Она была гладкая и тоненькая, как травинка, а пахла, как парфюмерный магазин. Я сел, склонился над её бедрами и поцеловал между ними, в том месте, где кожа у женщин так же нежна, как перья птицы. Она сжала ноги и почти сразу опять раздвинула их, и я опять стал целовать её, немного выше.

Блестящий кудрявый пушок ласкал мою щеку и я потихоньку стал лизать её короткими движениями. Это место у неё было горячее, влажное, твердое под языком, и мне хотелось укуcить её, но я выпрямился. Она села рывком и схватила мою голову, чтобы вернуть её в прежнее положение. Я наполовину высвободился.

— Я не хочу, — сказал я. — Я не хочу — до тех пор, пока история с Джин не будет завершена. Я не могу жениться на вас обеих.

Я куснул её соски. Она по-прежнему удерживала мою голову и не раскрывала глаз.

— Джин хочет выйти за меня замуж, — продолжал я. — Почему? Я не знаю. Но если я откажусь, она непременно подстроит так, чтобы мы не могли видеться.

Она молчала и изгибалась под моими ласками. Моя правая рука двигалась вверх-вниз по её бедрам, и Лу открывалась при каждом точном попадании.

— Я вижу лишь один выход, — сказал я. — Я могу жениться на Джин, а вы поедете вместе с нами, и мы найдем возможность встречаться.

— Я не хочу, — прошептала Лу.

Голос её звучал неровно, и я, пожалуй, смог бы играть сейчас на нем, как на музыкальном инструменте. Каждое прикосновение вызывало изменение интонации.

— Я не хочу, чтобы вы с ней делали это...

— Ничто не вынуждает меня делать с ней это, — сказал я.

— О! Делайте это со мной, — сказала Лу. — Делайте это со мной сейчас же!

Она металась и каждый раз, когда моя рука поднималась вверх, двигалась ей навстречу. Я опустил голову к её ногам и, перевернув её спиной ко мне, приподнял её ногу и прижал лицо к её бедрам. Я взял её губы в свои. Она вдруг напряглась и почти тут же расслабилась. Я полизал её немного и отодвинулся. Она лежала навзничь.

— Лу, — прошептал я. — Я не стану вас трахать. Я не хочу трахать вас, пока мы не будем в безопасности. Я женюсь на Джин, и мы выпутаемся. Вы поможете мне.

Она опять повернулась на спину и поцеловала меня как будто с яростью. Зубы её стукнулись о мои, а я в это время

гладил выгиб её поясницы. А потом взял её за талию и поставил на ноги.

— Идите к себе, спать, — сказал я ей. — Мы наговорили много глупостей. Будьте пайнкой и идите спать.

Я тоже встал и поцеловал её в глаза. К счастью, я не снял трусы и таким образом сохранил достоинство.

Я надел на неё лифчик и трусики; я вытер ей бедра своей простыней, наконец, я накинул на неё прозрачное дезабилье. Она молча повиновалась; в руках моих она была мягка и тепла.

— Баиньки, сестричка, — сказал я ей. — Я уезжаю завтра утром. Постарайтесь спуститься к завтраку, мне нравится смотреть на вас.

А потом я вытолкнул её и закрыл следом дверь. Теперь я наверняка держал в руках обеих сестер. Я чувствовал глубокую внутреннюю радость, и вполне возможно, что малыш повернулся там, под слоем земли в два метра, и я протянул ему свою лапу. Это что-нибудь да значит — пожать руку своему брату.

Глава XVI.

Через несколько дней я получил от Тома письмо. Он не очень-то распространялся о своих делах. Думаю, я верно угадал, что он нашёл далеко не блестящую работенку в

какой-нибудь школе в Гарлеме, а он цитировал мне писание, сопровождая цитату комментарием, поскольку подозревал, что я не слишком в курсе всех этих историй. Это был пассаж из книги Иова, и говорилось там следующее: «И взял я тело свое в зубы свои, и положил я душу свою в свою ладонь». Думаю, что тип, по мнению Тома, хотел этим сказать, что поставил на карту последнее, что у него было, ну, или — рискнул всем ради всего; я считаю, что это — сложный способ приготовить простое блюдо. Итак, я понял, что в этом плане Том совсем не изменился. И всё же он был славный парень. Я написал ему в ответ, что у меня всё идёт хорошо, и положил в письмо пятидесятидолларовую купюру, потому что мне показалось, бедный старина не имел достаточно жрачки.

В остальном же всё шло по-старому. Книжки, по-прежнему всё время книжки. Я получал перечни рождественских альманахов и листки, которые не прошли через главную контору фирмы; их распространяли разные типы за свой собственный счёт, но мой контракт запрещал мне эти маленькие игры, и я не собирался рисковать. Несколько раз я выставлял за дверь типов иного рода — занимавшихся порнягой; но ни разу не сделал этого грубо. Эти ребята часто были негры или мулаты, а я знаю, как это тягостно для подобного типа людей; впрочем, я брал у них один-два образчика их товара и отдавал их банде; Джуди эти штучки очень любила.

Они всё так же собирались в аптеке, заходили повидать меня, а я время от времени имел девиц, в общем, каждые два дня. Они были более глупы, чем порочны. Все, кроме

Джуди. Джин и Лу должны были обе появиться в Бактоне до конца недели. Два свидания, назначенные отдельно; от Джин последовал телефонный звонок, а Лу не явилась. Джин приглашала меня на следующий уик-энд, и мне пришлось ответить ей, что я не смогу приехать. Не выйдет у этой девицы вертеть мною, как пешкой. Она неважно себя чувствовала и хотела бы, чтобы я приехал, но я сказал ей, что у меня есть горящая работа, и она пообещала приехать в понедельник часов в пять; у нас будет время поболтать.

Вплоть до понедельника ничем необычным я не занимался; в субботу вечером я опять заменял гитариста в «Сторке», и это принесло мне пятнадцать долларов и дармовую выпивку. Они в этом заведении платили недурно. Дома я читал или занимался своей гитарой. Я забросил чечетку, их и без этого легко было заполучить. Я вернусь к этому, когда избавлюсь от сестер Эсквит. Я также запасся патронами для маленькой пушки малыша и купил разные снадобья. Отвел тачку в гараж на осмотр, и механик наладил мне в ней всё, что было не в порядке. Никаких признаков жизни со стороны Декса за это время не было подано. Я попытался соединиться с ним в субботу утром, но он уехал на уик-энд, и мне не сказали — куда. Полагаю, что он опять навещал старуху Анне, чтобы попользоваться её малышками, потому что никто из банды не знал, где он проводил время всю неделю.

А в понедельник в четыре двадцать машина Джин остановилась перед моей дверью; ей было совершенно наплевать на то, что могут подумать окружающие. Она вышла из машины и вошла в лавку. У меня никого не было.

Она приблизилась ко мне и вlepила мне такой поцелуй, какие приберегают для особо значительных случаев; я предложил ей сесть. Я намеренно не опустил железную штору, чтобы она поняла, что я не одобряю её идею явиться раньше назначенного времени. Несмотря на макияж, она очень плохо выглядела; глаза её были обведены чёрными тенями. Как всегда, на ней было надето всё, что можно найти лучшего, чтобы прикрыть наготу; и шляпка на ней была явно не от Мэйси; впрочем, она её старила.

— Хорошо доехали? — спросил я.

— Это ведь совсем близко, — ответила она. — Мне казалось, что расстояние должно быть больше.

— Вы приехали раньше, — заметил я. Она взглянула на часики, усыпанные бриллиантами.

— Ну, не так уж много!.. Сейчас без двадцати пяти пять.

— Четыре двадцать девять, — возразил я. — Вы слишком торопитесь.

— Вам это неприятно?

Она состроила ласковую гримаску, которая привела меня в ужасное раздражение.

— Конечно. у меня есть и другие занятия помимо развлечений.

— Ли, — прошептала она, — будьте же любезнее!..

— Я любезен, когда с работой покончено.

— Будьте любезнее, Ли, — повторила она. — У меня... я...

Она замолчала. Я понял, но надо было, чтобы она это произнесла.

— Объяснитесь, — сказал я.

— У меня будет ребенок, Ли.

— Вы, — сказал я, угрожаяще уставив в неё палец, — вы плохо вели себя с мужчиной.

Она засмеялась, но осунувшееся лицо её по-прежнему было напряжёно.

— Ли, надо, чтобы вы женились на мне как можно быстрее, иначе разразится страшный скандал.

— Да нет же, — заверил я её. — Такое случается каждый день.

Теперь я заговорил игриво: нельзя было отпустить её, не уладив это дело. В таком состоянии женщины очень часто бывают нервозны. Я подошёл к ней и погладил её по плечам.

— Сидите тихонько, — сказал я. — Я закрою лавку, чтобы нам было спокойнее.

Конечно, легче было бы избавиться от неё и от младенца. Теперь у неё было веское основание покончить с собой. Я направился к двери и повернул рукоятку слева от неё, которая поднимала и опускала штору. Она медленно упала, не производя никакого шума, кроме легкого позвякивания шестеренок, поворачивавшихся в гнезде.

Когда я вернулся на место, Джин сняла шляпу и взбила волосы, чтобы придать им пышность; без шляпы она выглядела лучше; она и вправду была красивая девушка.

— Когда мы уедем? — вдруг спросила она. — Теперь нужно, чтобы вы увезли меня как можно быстрее.

— Мы можем уехать в конце недели, — ответил я. — Дела мои в порядке, но мне надо найти там, в другом месте, себе работу.

— Я возьму с собой денег.

У меня не было намерений быть на содержании даже у девицы, которую я собирался прикончить.

— Для меня это ничего не меняет, — сказал я. — И речи быть не может, чтобы я тратил ваши деньги. Я хочу, чтобы мы условились об этом раз и навсегда.

Она не ответила. Она вертелась на стуле, как человек, который не решается что-то сказать.

— Ну же, — заговорил я, чтобы подбодрить её. — Валяйте, говорите всё. Что вы там натворили, ничего не сказав мне?

— Я написала туда, — сказала она. — Я увидела адрес в отделе объявлений в газете; они говорят, что это уединенное место для любителей одиночества и влюблённых, которые хотят спокойно провести медовый месяц.

— Если все влюблённые, которые хотят, чтобы их не беспокоили, встретятся там, — пробормотал я, — хорошенькая будет давка!.. Она рассмеялась. Похоже, она

испытала облегчение. Она была не из тех, кто может таиться.

— Они ответили мне, — сказала она. — У нас будет домик для ночевки, а еду можно брать в гостинице.

— Лучшее, что вы могли бы сделать, — сказал я, — это рвануть туда первой, а я бы потом приехал к вам. Так у меня будет время всё закончить здесь.

— Я бы хотела поехать туда вместе.

— Это невозможно. Чтобы не возбуждать подозрений, возвращайтесь домой, и чемодан соберите в последний момент. Не к чему вести с собой много вещей. И не оставляйте письма с названием места, куда отправились. Вашим родителям не нужно это знать.

— Когда вы приедете?

— В понедельник. Выеду в воскресенье вечером. Вряд ли кто-нибудь заметит мой отъезд воскресным вечером. Но оставалась ещё Лу.

— Конечно, добавил я, — я полагаю, вы сказали обо всем вашей сестре.

— Ещё нет.

— Она, наверное, кое о чем подозревает. В любом случае, в ваших интересах сказать ей. Она может быть вашей посредницей. Вы хорошо ладите друг с другом, не так ли?

— Да.

— Тогда скажите ей всё, но только в день отъезда. И оставьте адрес, но так, чтобы она обнаружила его после того, как вы уедете.

— Как же мне это сделать?

— Можете положить листок с адресом в конверт и отправить его по почте, когда отъедете на двести-триста миль от дома. Можете оставить его в ящике столика. Есть масса способов.

— Не нравятся мне все эти сложности. О, Ли, неужели мы не можем просто уехать вместе, вдвоем, сказав всем, чтобы оставили нас в покое?

— Это невозможно, — сказал я. — Что касается вас, это ещё пойдет. Что же до меня, то у меня нет денег.

— Но это одно и то же.

— Взгляните в зеркало, — сказал я. — Это вам всё равно, потому что у вас они есть.

— Я не решусь сказать Лу. Ей ведь только пятнадцать лет. Я рассмеялся.

— Уж не кажется ли она вам младенцем в ползунках? Вам должно быть известно, что в семье, где есть сестры, младшая узнает всё примерно тогда же, когда и старшая. Если бы у вас была сестричка десяти лет, она знала бы столько же и то же, что и Лу.

— Но Лу ещё малышка.

— Конечно. Для этого достаточно взглянуть на то, как она одевается. Духи, которыми она себя поливает, тоже

свидетельствуют о её полной невинности. Надо предупредить Лу. Повторяю, вам необходим посредник между вами и родителями.

— Я бы предпочла, чтобы об этом никто не знал. В моем смехе прозвучала вся злость, на какую я только был способен.

— Что, вы не так уж гордитесь типом, которого себе откопали? Губы её задрожали, и я подумал, что она вот-вот расплачется. Она встала.

— Почему вы говорите мне колкости? Вам нравится делать мне больно? Я не хочу ничего говорить, потому что мне страшно...

— Страшно?..

— Страшно, что вы бросите меня до того, как мы поженимся. Я пожал плечами.

— Вы думаете, если бы я хотел бросить вас, женитьба меня бы остановила?

— Да, если у нас будет ребенок.

— Если у нас будет ребенок, я не смогу добиться развода, это верно; но этого будет явно недостаточно, чтобы помешать мне бросить вас, если мне этого захочется...

На сей раз она расплакалась. Она упала на стул, чуть наклонив голову, а слезы текли по её круглым щекам. Я понял, что слишком поторопился, и подошёл к ней. Положил ей руку на шею и погладил по затылку.

— О, Ли! — сказала она. — Это так непохоже на то, как я себе это представляла. Я думала, что вы будете счастливы заполучить меня насовсем.

Я сказал в ответ какую-то глупость, и тут её стало рвать. У меня ничего не было под рукой, никакой салфетки, и мне пришлось побежать в крохотную подсобку за тряпкой, которой уборщица вытирала пыль в магазине. Думаю, она была в таком состоянии из-за беременности. Когда она перестала икать, я вытер ей лицо её носовым платком. Её глаза, словно умытые, блестели от слез, и она глубоко дышала. Туфли её были испачканы, и я вытер их куском бумаги. Запах выводил меня из себя, но я наклонился и поцеловал её. Она яростно прижала меня к себе, безостановочно что-то шепча. С этой девицей мне не везло. Вечно больна, то потому, что перепила, то — потому, что перетрахалась.

— Уезжайте побыстрее, — сказал я ей. — Возвращайтесь домой. Полечитесь, а потом в четверг вечером соберите чемодан и удирайте. Я приеду к вам в ближайший понедельник. Она вдруг сразу воспряла духом и недоверчиво улыбнулась.

— Ли... это правда?

— Конечно.

— О, Ли... я обожаю вас... Знаете, мы будем очень счастливы.

Она была совсем незлопамятна. Вообще девушки не так склонны к быстрому примирению. Я поднял её со стула и погладил ей сквозь платье груди. Она напряглась и

откинулась назад. Она хотела, чтобы я продолжал. Я-то предпочел бы проветрить комнату, но она вцепилась в меня и одной рукой стала расстегивать на мне пуговицы. Я задрал ей платье и взял её на длинном столе, куда клиенты клали, перелистав, книги; она закрыла глаза и казалась неживой. Когда я почувствовал, что она расслабилась, я продолжал, пока она не застонала, а потом кончил ей на платье, и тогда она поднялась, прижав руку ко рту, и её снова стошнило.

А потом я поставил её на ноги, застегнул на ней пальто, почти донес её до машины, пройдя через заднюю дверь в глубине лавки, и усадил её за руль. У неё был такой вид, что казалось — сейчас в обморок упадет, но ей всё же хватило сил почти до крови укусить меня в нижнюю губу; я не шелохнулся, а потом смотрел, как она уезжает. Думаю, машина сама, на её счастье, находила дорогу.

А потом я вернулся к себе и принял ванну — из-за этого запаха.

Глава XVII.

До этого момента я не задумывался о трудностях, в которые меня может вовлечь намерение уничтожить этих девиц. Сейчас вдруг у меня появилось желание всё бросить и продолжать продавать книги, не портя себе кровь. Но надо было, чтобы я это сделал ради малыша, и ради Тома, и ради себя тоже. Я знал типов, которые попадали в ситуацию,

сходную с моей, которые забывали о своей крови, и становились на сторону белых в любых обстоятельствах, и, не колеблясь, наносили удар чёрным, когда представлялась такая возможность. Таких типов я тоже не без удовольствия убил бы, но дело надо делать постепенно. Сначала девицы Эсквит. У меня было немало шансов прикончить других: вся эта мелюзга, с которой я водился — Джуди, Джики, Билл и Бетти, но это не представляло никакого интереса. Мало презентабельно. Эсквит — это будет мой первый опыт. Потом, думаю, выпутавшись, я смогу ликвидировать какого-нибудь значительного типа. Не сенатора, но что-нибудь в этом роде. Мне немало требовалось, чтобы успокоиться. Но сначала надо было поразмыслить о том, как выкарабкаться после того, как обе эти сучки умрут у меня на руках.

Лучше всего было бы замаскировать это под несчастный случай на дороге. Люди стали бы задавать вопрос, что им понадобилось возле границы, но об этом забыли бы, как только было бы произведено вскрытие тела Джин и обнаружилось, что она беременна. А Лу, так она просто поехала вместе с сестрой. Я же здесь не причём. Вот только когда я буду в безопасности, а дело закрыто, я всё скажу её родителям. Они узнают, что их дочку поймел негр. К этому моменту мне нужно будет поменять на какое-то время обстановку, а потом не останется ничего другого, как опять начать. Идиотский план, но самые большие идиоты — те, кому всё удастся наилучшим образом. Я был уверен, что Лу явится туда через неделю после нас; эта девица была в моих руках. Поездка вместе с сестрой. Джин вела машину, а потом вдруг приступ тошноты за рулем. Что может быть

естественнее? У меня будет время выскочить. Я непременно отыщу подходящую для этой игры местность в тех краях, куда мы поедem... Лу будет сидеть впереди возле сестры, а я — сзади. Сначала — Лу, и если Джин выпустит руль при виде этого, дело будет сделано.

Но эта комбинация с мотором нравилась мне лишь наполовину. Прежде всего, это было не ново. И потом — это важнее — слишком быстро всё будет сделано. Нужно, чтобы у меня было время сказать им — почему, нужно было, чтобы они поняли, что они в моих лапах, чтобы отдали себе отчет в том, что их ждет. Машина... но это потом. Машина — это завершение. Думаю, что я придумал. Сначала увезти их в тихое местечко. А там прикончить. Имея к этому основания. Потом в машину — и несчастный случай. Столь же просто, сколь и удовлетворительно. Да? Вот так?

Я ещё подумал об этом некоторое время. Я начинал нервничать. А потом я послал все эти идеи к чёрту и сказал себе, что получится не так, как я придумал, и тут я вспомнил малыша. И ещё я вспомнил свой последний разговор с Лу. Что-то начало получаться у меня с этой девицей, и теперь прорисовывалось четче. И это стоило того, чтобы рискнуть. Тачка, если получится. Не получится — ну, что же. Граница оттуда недалеко, а в Мексике не существует смертной казни. Думаю, что всё это время в голове моей неясно маячил этот другой проект, который сейчас обрел форму, и я сообразил, что к чему.

В эти дни я выпил немало бурбона. Мозги мои варили с трудом. Я достал ещё кое-что кроме патронов; купил лопату

и кирку, и ещё веревку. Я ещё не знал, что выйдет из этого моего проекта. Если получится, мне в любом случае нужны будут патроны. Если же — нет, то мне сослужит службу остальное. А лопата и кирка — на всякий случай, если пойдет в ход идея, молнией сверкнувшая у меня в голове. Я считаю, что парни, которые готовят какое-нибудь дело, ошибаются, когда с самого начала строят совершенно определенный план. На мой взгляд, предпочтительнее предоставить возможность вмешаться случаю; но когда наступает подходящий момент, под рукой должно быть всё необходимое. Не знаю, может быть, я был неправ, когда не готовил окончательно всё заранее, но, возвращаясь мыслью к этим историям с машиной и несчастным случаем, я чувствовал, что они мне уже меньше нравятся. Я не принял в расчёт важный фактор: у меня в распоряжении будет достаточно времени, — я и старался не слишком концентрироваться на этом. Никто не знал, куда мы отправимся, и, думаю, Лу никому об этом не скажет, если наш последний разговор произвел на неё желаемое воздействие. А это я узнаю, как только появлюсь.

А потом, в самый последний момент, за час до отъезда, меня охватил какой-то ужас, и я всё задавал себе вопрос, найду ли я, приехав, Лу на месте. Это был самый тяжелый момент. Я сидел у стойки и пил. Не знаю, сколько стаканов я выпил, но мозг мой был так ясен, словно бурбон Рикардо превратился в простую чистую воду, и я видел, что надо делать, так же ясно, как видел лицо Тома, когда взорвался бидон бензина на кухне; я спустился в аптеку и закрылся в телефонной кабине. Набрал номер местной телефонной станции и попросил соединить меня с Приксвилем; меня

сразу же соединили. Горничная ответила мне и сказала, что Лу сейчас подойдет, и через пять секунд она была у телефона.

— Алло, — сказала она.

— Это Ли Андренсон. Как вы?

— Что происходит?

— Джин уехала, не так ли?

— Да.

— Вы знаете, куда она отправилась?

— Да.

— Она вам сказала об этом? Я услышал её смех.

— Она дала объявление в газете. Эта девица ничего не упускала из виду. Она, наверно, догадывалась обо всем с самого начала.

— Я заеду за вами.

— Вы не поедете с ней?

— Поеду. С вами.

— Я не хочу.

— Вы прекрасно знаете, что поедете. Она ничего не ответила, и я продолжал:

— Будет проще, если я вас заберу.

— Зачем же тогда ехать к ней?

— Надо же ей сказать...

— Что сказать? Теперь была моя очередь смеяться.

— Я освежу вашу память в дороге. Готовьте чемодан, и поедем.

— Где мне вас ждать?

— Я сейчас выезжаю. Буду у вас через два часа.

— На своей машине?

— Да. Ждите меня в своей комнате. Я дам три сигнала.

— Посмотрим.

— До скорого.

Я не стал ждать, пока она ответит, и повесил трубку. И вытащил носовой платок, чтобы вытереть пот со лба. Я вышел из кабины, заплатил за разговор и поднялся к себе. Вещи мои были уже в машине, деньги — с собой. Я написал в фирму письмо, в котором объяснял им, что вынужден срочно выехать к заболевшему брату; Том простит мне это. Не знаю, какие у меня были намерения по отношению к этой работе в книжной лавке — она меня совсем не обременяла. Я не сжигал за собой мосты. До сих пор я жил, не зная особых трудностей и не испытывая неуверенности — никогда, ни под каким видом; теперь же эта история начала вызывать во мне возбуждение, и дело шло не так гладко, как обычно. Мне хотелось бы быть уже на месте, сделать всё и заняться чем-нибудь другим. Не выношу, когда надо заниматься работой, близкой к завершению, а дело было как раз в таком состоянии. Я оглянулся вокруг, чтобы проверить, не забыл ли я чего, и взял шляпу. Нэш стоял кварталом дальше. Я включил зажигание и отъехал.

Как только я очутился за городом, я зафиксировал акселератор на предельной скорости, и предоставил машину самой себе.

Глава XVIII.

На этой дороге было чертовски темно и, по счастью, мало движения. В основном тяжелые грузовики в одном и том же направлении. Почти никто не ехал на юг. Я действительно сделал всё, что было возможно. Мотор ревел, как двигатель трактора, термометр показывал сто девяносто пять, но я старался выжать ещё больше, и это мне удавалось. Я только хотел успокоить свои нервы. После часа этого треска дело пошло на лад, и тогда я немного снизил скорость и опять услышал поскрипывание кузова.

Ночь была влажная и холодная. Запахло зимой, но пальто мое было в чемодане; Господи! никогда ещё я настолько не замечал холода. Я следил за дорожными знаками, но дорога была несложна. Время от времени выплывали заправочные станции — три-четыре барака, а потом опять — дорога. Пробежит порой какой-нибудь зверек, мелькнут фруктовый сад или возделанное поле, а потом опять ничего.

Я думаю, что сделаю сто миль за два часа. На самом же деле, получается сто восемь или сто девять, если вдобавок не учитывать время, потраченное на то, чтобы выехать из Бактона и обогнуть сад на подъезде. Я был перед домом Лу через полтора часа, может, чуть больше. Я попросил нэш

сделать всё, что было в его силах. Я подумал, что Лу, наверное, уже готова, и потому медленно проехал вдоль ворот, максимально приблизился к дому и дал три гудка. Сначала я ничего не услышал. Оттуда, где я остановился, не было видно её окна, но я не решался выйти из машины или опять загудеть из опасений вызвать у кого-нибудь подозрения.

Итак, я остался ждать в машине; я увидел, как дрожат у меня руки, когда зажигал сигарету, чтобы успокоить нервы. Через две минуты я отбросил её и долго колебался, прежде чем дал ещё три гудка. А потом, когда я всё-таки решился выйти из машины, я догадался, что она идёт, и, обернувшись, увидел, как она приближается к машине. На ней было светлое пальто, никакой шляпы, в руке — огромная сумка коричневой кожи, которая, казалось, сейчас лопнет, а больше — никакого багажа. Она открыла дверь и села рядом со мной, не говоря ни слова. Я закрыл дверцу, наклонившись через неё, но не стремясь поцеловать её. Она была недоступна, как дверца сейфа.

Я отъехал, развернувшись, чтобы выбраться на дорогу. Она глядела прямо перед собой. Я взглянул на неё краешком глаза и подумал, что дело пойдет на лад, когда мы выберемся из города. Проехали ещё сто миль на бешеной скорости. Теперь уже чувствовалось, что Юг недалеко. Воздух стал суше, и ночь не так темна. Но мне надо было сделать ещё пятьсот миль. Я не мог больше оставаться рядом с Лу и молчать. А запах её духов между тем заполнил машину; это чертовски возбуждало меня, потому что перед моими глазами вставала она посреди своей спальни в

разорванных трусиках с этими своими кошачьими глазами, и я вздохнул достаточно громко, чтобы она это заметила. Она словно проснулась, стала оживленнее, и мне нужно было теперь создать более теплую атмосферу, потому что неловкость ещё реяла в воздухе.

— Не холодно?

— Нет, — сказала она. Она вздрогнула, и от этого пришла в ещё более дурное расположение духа. Мне подумалось, что она устраивает нечто вроде сцены ревности, но мне надо было заниматься машиной, и я не мог уладить дело быстро, потому что в моем распоряжении были только слова, поскольку она выказывала столь явно свою неохоту. Я оторвал одну руку от руля и порылся в ящике для перчаток. Вытащил бутылку виски и положил ей на колени. Там же в ящичке был стаканчик. Я взял его и положил рядом с бутылкой, а потом закрыл ящик и повернул ручку радиоприемника. Мне следовало подумать об этом раньше, но я решительно был не в своей тарелке. Меня тревожила мысль, что дело ещё впереди. К счастью, она взяла бутылку, открыла её, потом наполнила стакан и выпила его залпом. Я протянул руку. Она наполнила стакан ещё раз и опять осушила его. И только теперь налила мне. Я не ощутил, что выпил, и вернул ей стакан. Она положила всё в ящик, немного расслабилась на своем сиденье и расстегнула две пуговицы пальто. На ней был весьма короткий костюм с длинными отворотами жакета. Под ним прямо на голое тело был надет лимонного цвета пуловер, и ради своей безопасности я упорно старался смотреть прямо на дорогу.

Теперь в машине пахло её духами и спиртным, немного сигаретами, и это был именно тот запах, что ударяет прямо в голову. Но я не опустил стекла окон. Мы по-прежнему молчали; это длилось ещё полчаса, а потом она открыла ящик и выпила ещё два стакана. Теперь ей стало жарко, и она сняла пальто. И когда она при этом наклонилась в мою сторону, я слегка нагнулся и поцеловал её в шею, как раз возле уха. Она резко отодвинулась и обернулась, и посмотрела на меня. А потом взорвалась смехом. Думаю, виски стал оказывать на неё действие. Я проехал ещё пятьдесят миль, а потом пошёл, наконец, в наступление. Она опять выпила виски.

— По-прежнему не в форме?

— Порядок, — проговорила она медленно.

— Никакого желания ехать вместе со стариной Ли?

— О, всё в порядке!

— Никакого желания увидеть сестричку?

— Не говорите мне о моей сестре.

— Это милая девушка.

— Да, и хорошо трахается, не так ли? У меня от этого перехватило дыхание. Кто угодно другой мог бы сказать мне такое, и я не обратил бы на это внимание, — Джуди, Джики, Би Джи, но не Лу. Она видела, что я онемел, и так засмеялась, что поперхнулась. Когда она смеялась, видно было, что выпила.

— Разве не так говорят?

— Да, — подтвердил я. — В точности так.

— Разве не этим она занимается?..

— Не знаю. Она опять рассмеялась.

— Не стоит труда, Ли, знаете. Я уже не в том возрасте, когда верят, что можно заиметь ребенка от поцелуя в губы!

— Кто говорит о ребенке?

— Джин ждет ребенка.

— Вы больны?

— Уверяю вас, Ли, не тратьте силы. Я знаю то, что знаю.

— Я не спал с вашей сестрой.

— Спали.

— Я не делал этого, и даже если бы делал, она не ждет ребенка.

— Почему она всё время плохо себя чувствует?

— Плохо она себя чувствовала и у Джики, однако я не сделал ей ребенка. У вашей сестры чувствительный желудок.

— А остальное? Не такое чувствительное?

Потом она обрушила на меня град ударов. Я втянул голову в плечи и нажал на акселератор. Она колотила меня изо всех сил; это не так уж сильно, но всё же чувствительно. Недостаток мускулов она компенсировала нервной энергией и хорошей подготовкой на корте. Когда она остановилась, я встряхнулся.

— Вам лучше?

— Мне очень хорошо. А Джин, ей потом было хорошо?

— Потом?

— После того, как вы её натрахали?

Она, безусловно испытывала большое удовольствие, повторяя это слово. Если бы в этот момент я сунул руку ей между ног, уверен, мне пришлось бы вытирать её.

— О, — сказал я, — она уже этим занималась! Новый град ударов.

— Вы грязный лгун, Ли Андерсон.

После этой атаки она задыхалась, а смотрела по-прежнему на дорогу.

— Думаю, что предпочел бы трахать вас, — сказал я. — Мне больше нравится ваш запах, и волосы на лобке гуще. Но Джин трахается хорошо. Я буду сожалеть о ней, когда мы от неё избавимся.

Она не шелохнулась. Слушала это, как и остальное. У меня же перехватило в горле, и, словно в озарении, я вдруг начал понимать.

— Сделаем это сейчас же, — прошептала Лу, — или только потом?

— Что сделаем? — прошептал я.

Ей было трудно говорить.

— Вы будете меня трахать?.. — сказала она так тихо, что я скорее понял, чем услышал, что она говорит. Теперь я был возбужден, как бык, мне от этого было почти больно.

— Сначала надо убрать её, — сказал я.

Я сказал это только, чтобы увидеть, по-настоящему ли она в моих руках.

— Я не хочу, — сказала она.

— Вы так дорожите своей сестрой, да? Да вы просто трусили!..

— Я не хочу ждать...

На свою удачу, я увидел заправочную станцию и остановил тачку. Мне нужно было подумать о чем-то другом, иначе я потеряю хладнокровие. Я остался сидеть и сказал типу со станции, чтобы он заправил машину. Лу повернула ручку дверцы и выпрыгнула на землю. Она шепнула что-то парню, и он указал ей на какое-то строение. Она удалилась и вернулась через десять минут. Я тем временем указал парню на шину, которую надо было подкачать, и заказал ему сэндвич, который не смог съесть.

Лу села на свое место. Я заплатил парню, и он вернулся к себе досыпать. Я завел машину и понесся сломя голову; так мы ехали ещё часа два. Лу не двигалась. Казалось, она спит; я совершенно успокоился, и вдруг она потянулась, открыла ящик и на сей раз выпила три стакана один за другим. Теперь я не мог взглянуть на неё, не возбуждаясь. Я пытался продолжать вести машину, но, проехав ещё десять миль, остановил тачку на обочине. Была ещё ночь, но уже

чувствовалось приближение рассвета; ветра в этих краях не было. Кругом рощицы, кусты. Что-то около получаса назад мы проехали какой-то город.

Я нажал на тормоза, хлебнул из бутылки и сказал ей, чтобы выходила. Она открыла дверцу и взяла свою сумку, я пошёл за ней; она двинулась в сторону деревьев и остановилась, не дойдя до них, попросила у меня сигарету; я оставил сигареты в машине. Я сказал ей, чтобы подождала меня; она стала рыться в сумке, ища их, но я уже пошёл к машине, почти побежал. Я взял и бутылку тоже. Она была почти пуста, но у меня было ещё в багажнике.

На обратном пути мне трудно было идти, и я начал расстегиваться, ещё не дойдя до неё; в этот момент я увидел вспышку выстрела револьвера и тут же почувствовал, что мой левый локоть словно раскололся; рука моя повисла вдоль туловища; если бы я не расстегивался, то заполучил бы эту штуку прямо в легкие.

Эти мысли промелькнули в одну секунду; ещё через секунду я бросился на неё и выкрутил ей запястье, а потом я нанес ей удар кулаком в висок изо всех сил, потому что она попыталась меня укусить; но я находился в неудобной позиции и к тому же испытывал адскую боль. Она получила свое и опустилась на землю, и осталась без движения; но дело мое ещё не было закончено. Я подобрал револьвер и положил его себе в карман. Это был всего-навсего калибр 6,35, как и мой, но сучка прицелилась точно. Я бегом вернулся к машине. Я придерживал левую руку ладонью правой и, наверное, гримасничал, как китайская маска, но я

был в такой ярости, что не отдавал себе отчета в том, какую боль испытываю.

Я нашёл то, что искал, — веревку — и вернулся. Лу зашевелилась. У меня в распоряжении была одна лишь рука, чтобы связать её, и мне было больно, но когда это было сделано, я начал бить её по лицу; сорвал с неё юбку и разорвал пуловер, и опять стал бить по лицу. Мне пришлось придерживать её коленом, пока я снимал с неё этот чёртов свитер, но мне удалось лишь расстегнуть его спереди. Начало понемногу светать; часть её тела была в более густой тени дерева.

В этот момент она попыталась заговорить и сказала мне, что я её не получу, и что она только что позвонила Дексу, чтобы он предупредил фараонов, и что она поняла, что я подонок, когда я заговорил о том, что надо прикончить её сестру. Я рассмеялся, и тогда она изобразила на лице тоже что-то вроде улыбки, и я влепил кулак ей в челюсть. Грудь её была тверда и холодна; я спросил у неё, почему она выстрелила в меня, и попытался овладеть собой; она сказала, что я грязный негр, что Декстер сказал ей это, и что она поехала со мной, чтобы предупредить Джин, и что она ненавидит меня, как никого никогда не ненавидела.

Я опять рассмеялся. В груди моей словно колотился кузнечный молот, руки дрожали, левая сочилась кровью; левое предплечье пронзал ток.

Тогда я ответил ей, что белые убили моего брата, и что меня получить будет труднее, во всяком случае, она получит свое сполна, и я сжал одну из её грудей так сильно, что она чуть не потеряла сознание, но она молчала. Я надавал ей

пощечин до полусмерти. Она опять открыла глаза. Наступило утро, и я видел, как они сверкают от слез и ярости; я наклонился над ней; я, наверное, принюхивался, как какое-нибудь животное, и она начала вопить. Я укусил её между ног. Рот мой был полон чёрных и жестких волос оттуда; я отпустил её ненадолго и потом впился опять — ниже, где кожа нежнее. Я погрузился в запах её духов, она надушилась и там, но она вопила, как свинья, от этих криков по коже бежали мурашки. Тогда я сжал зубы изо всех сил и не отпускал. Я почувствовал, как брызнула мне в рот кровь, а поясница её извивалась, несмотря на веревку. Лицо мое было залито кровью, и я немного отполз на коленях. Я никогда не слышал, чтобы женщина так кричала; вдруг я заметил, что кончил в штаны; это потрясло меня, как никогда, но я испугался: вдруг кто-нибудь появится. Я чиркнул спичкой, увидел, что она вся в крови. В конце концов, я стал лупить её как попало правым кулаком, сначала в челюсть, почувствовал, как разбились её зубы, и продолжал — я хотел, чтобы она перестала кричать. Я ударил её сильнее, а потом задрал её юбку и заткнул ей рот, и сел на голову. Она извивалась, как червяк. Я не мог и подумать, что жизнь так крепко засела в ней; она так резко дернулась, что я подумал — сейчас мое левое предплечье сорвется, я отдавал себе отчет в том, что до того разгневан, что мог бы с неё живьем сорвать кожу, тогда я поднялся, чтобы добить её ногами, и всем телом налег, поставив башмак ей на горло. Когда она уже не шевелилась, я почувствовал, что это подступило опять. Колени мои дрожали, и я боялся, как бы самому не откинуть концы.

Глава XIX.

Мне бы надо было взять лопату и кирку и закопать её, но теперь я боялся полиции. Я не хотел, чтобы меня поймали прежде, чем я ликвидирую Джин. Теперь меня вел вперед малыш; я опустился на колени возле Лу. Я развязал веревку, стягивающую ей руки; на запястьях её остались глубокие следы, и на ощупь она была рыхлая, как все мертвые сразу после того, как умерли; груди её уже одрябли. Я не одернул юбку с её лица. Я не хотел больше видеть его, но я взял её часы. Мне нужно было иметь что-то, что принадлежало ей.

Я вдруг подумал о своем собственном лице и побежал к тачке. Взглянув в зеркало заднего вида, я обнаружил, что всё легко поправимо. Я ополоснул лицо виски; рука моя больше не кровоточила; мне удалось стянуть рукав и плотно перевязать руку с помощью шейного платка и веревки. Я чуть не взвыл, до того мне было больно: мне ведь надо согнуть руку; мне, однако, это удалось, вытащив из багажника вторую бутылку. У меня ушло на это немало времени, и солнце было уже близко. Я взял в машине пальто Лу, пошёл и бросил его на неё; я не хотел таскать его с собой. Я не чувствовал под собою ног, но руки мои дрожали поменьше.

Я опять сел за руль и отъехал. Я спросил себя, что она могла сказать Дексу; её рассказы о полиции начали меня забирать, но по-настоящему я о них не задумывался. Это шло вторым планом, как звуковой фон.

Я хотел заполучить Джин, и ещё раз ощутить то, что я дважды ощутил, уничтожая её сестру. Я только что нашёл то, что всегда искал. Полиция — да, это меня доставало, но в ином смысле; это не могло помешать мне сделать то, что я хотел сделать; у меня был выигрыш во времени. Придется им побегать, чтобы схватить меня. Мне оставалось проехать чуть меньше трехсот миль. Моя левая рука почти онемела, и я всю жал на газ.

Глава XX.

Я стал понемногу кое-что припоминать, когда мне оставался час езды до места. Я вспомнил день, когда впервые взял в руки гитару. Это было у соседа, и он тайком учил меня играть; я наигрывал одну лишь мелодию: «Когда идут святые» — и научился играть её с паузами целиком и одновременно напевать. И однажды вечером я взял гитару у соседа, чтобы сделать дома сюрприз; Том стал петь вместе со мною; малыш прямо с ума сошёл, он стал танцевать вокруг стола, словно шёл рядом с выступающими по запасной дорожке; он взял палку и вращал ею. В этот момент вернулся отец, и он пел и смеялся вместе с нами. Я отнес гитару соседу, но на следующий день нашёл другую на своей кровати — купленную по случаю, но ещё в очень хорошем состоянии. И каждый день я понемногу учился играть на ней. Гитара — инструмент, который делает вас ленивым. Берешь её, наигрываешь мелодию, а потом откладываешь, полодырничаешь, и опять берешься за неё,

возьмешь один-два аккорда или аккомпанируешь себе, насвистывая. И дни проходят очень быстро.

Я пришёл в себя, когда меня тряхнуло. Думаю, я начал засыпать. Я больше не чувствовал своей левой руки и ужасно хотел пить. Я вновь попытался вспомнить старые времена, чтобы слегка отвлечься, потому что так спешил добратся, что, как только приходил в себя, сердце мое начинало колотиться, а правая рука — дрожать на руле; чтобы править машиной, я имел в наличии лишь одну руку. Я спросил себя, что делает в эту минуту Том; он, скорее всего, молился, или учил чему-то малышей; от Тома я перешёл к Клему, и к городу Бактону, где я прожил три месяца, работая в книжной лавке, приносившей мне неплохой доход; я вспомнил Джики и тот раз, когда я взял её в воде, и какая прозрачная была река в тот день. Джики, такая молодая, гладкая и нагая, похожая на младенца, и вдруг это навело меня на мысли о Лу и её гривке — чёрной, жесткой, и о том, что я ощутил, кусая её, — вкус чего-то нежного и соленого, и горячего, и пахнущего духами и её бедрами, и у меня в ушах опять зазвенели её крики; я почувствовал, как капли пота катятся у меня по лбу, и не мог отпустить проклятый руль, чтобы вытереть лоб. У меня было ощущение, что желудок мой полон газами, которые давят на диафрагму, чтобы раздавить легкие, а Лу кричала мне в уши; я нажал на предупредительный сигнал на руке; а предупредительный сигнал для дороги — эбонитовое кольцо, с чёрной точкой посередине для города, и я нажал на оба сигнала, чтобы заглушить крики. Я, наверное, ехал со скоростью восемьдесят пять миль, или около того; это было всё, что могла машина, но тут дорога пошла под уклон, и я

увидел, как стрелка от цифры «два» перешла на «три», а потом — на «четыре». Уже давно совсем рассвело. Теперь мне встречались машины, и некоторые я обгонял. Через несколько минут я отпустил оба сигнала, потому что мог встретить полицейских на мотоциклах, а у меня не было возможности оторваться от них. Когда приеду, возьму машину Джин, но, Господи владыко, когда же я приеду?..

Кажется, я заворчал, чуть ли не захрюкал сквозь зубы, как свинья, и чтобы ехать быстрее, взял поворот, не снижая скорости; страшно завизжали покрышки. Нэш сильно занесло, он оказался почти у левого края дороги, но потом выровнялся, а я продолжал жать и теперь смеялся, и был весел, как малыш, когда он кружился у стола, напевая «Когда святые...», и мне почти совсем не было страшно.

Глава XXI.

Эта б...ская дрожь вернулась всё-таки, когда я подъехал к гостинице. Было около половины двенадцатого; Джин должна была ждать меня к завтраку, как я сказал ей. Я открыл дверцу справа и вышел с той стороны, потому с моей рукой мне вряд ли удалось бы сделать иначе.

Гостиница — здание в местном стиле, выкрашенное в белый цвет, с опущенными жалюзи. В этих краях ещё было много солнца, несмотря на то, что наступил уже конец октября. Это был далеко не роскошный палаццо, как обещало объявление в газете, но, что касается

уединенности, лучшего нельзя было и желать. Я с трудом насчитал дюжину строений, из которых одно выполняло сразу и функции заправочной станции, и — быстро, немного в стороне от дороги; там, наверное, останавливались грузовики-тяжеловесы. Насколько я помнил, спальные коттеджи стояли поодаль от гостиницы, и я решил, что они, наверно, упираются в ту дорогу, которая подходит под углом к главному шоссе и которую окаймляют неухоженные деревья и облезлая трава. Я остановил нэш и устремился туда. Дорога вдруг резко повернула, и так же неожиданно я наткнулся на машину Джин, стоящую перед лачугой из двух комнат — довольно опрятных. Я вошёл без стука.

Она сидела в кресле и, казалось, спала; выглядела она плохо, но была, как всегда, хорошо одета. Я хотел её разбудить; и в этот именно момент телефон — потому что там имелся телефон — начал звонить. Я по-идиотски заволновался и прыгнул к нему. На месте сердца я ощутил пустоту. Я снял трубку и сразу же опустил её на рычаг. Я знал, что позвонить мог только Декстер, Декстер или полиция. Джин потеряла глаза. Она встала, и прежде всего я поцеловал её так, что можно было задохнуться. Она совсем проснулась; я обнял её за плечи, чтобы увести её отсюда. В этот момент она увидела мой пустой рукав.

— Что случилось, Ли?

Она выглядела до смерти напуганной. Я рассмеялся. Смеялся я долго.

— Да ничего. Я по-идиотски упал, выходя из машины, и повредил себе локоть.

— У вас кровь!

— Царапина... Пойдём, Джин. Хватит с меня этого путешествия. Хочу остаться с вами наедине.

И тут зазвонил телефон, и это было похоже на то, как если бы через мое тело пропустили электрический ток. Я не сдержался, схватил аппарат и грохнул его о паркет.

Прикончил я его каблуками. И вдруг мне показалось, что я давлю башмаками лицо Лу. Я мгновенно вспотел и готов был удрать. Я чувствовал, что губы у меня дрожат и я кажусь сумасшедшим.

К счастью, Джин не упорствовала. Она вышла, и я сказал ей, чтобы она садилась в свою машину: поедem куда-нибудь подальше, чтобы побыть наедине, а потом вернемся завтракать. Время завтрака несколько оттягивалось, но Джин была очень вялая. По-прежнему не в своей тарелке, наверно, из-за ребенка, которого она ждала. Я нажал на акселератор. Машина тронулась, бросив нас на спинки сидений; на сей раз всё почти кончено; я лишь услышал звук этого мотора, как ко мне вернулось спокойствие. Я что-то сказал Джин, чтобы извиниться за телефон. Она прижалась ко мне и положила голову мне на плечо.

Я проехал двадцать миль и стал искать место, где бы остановиться. Дорога здесь поднималась на насыпь; я подумал, что, если спуститься по склону, это мне подойдет. Я остановил машину. Джин вышла первой. Я нащупал револьвер Лу в кармане. Я не хотел прибегать к нему прямо сейчас. Даже одной рукой я мог бы прикончить Джин. Она наклонилась, чтобы поправить туфлю, и я увидел её ляжки под короткой юбкой, плотно облегавшей бедра. Я

почувствовал, что во рту у меня пересохло. Она остановилась возле куста. Там было место, откуда не видна дорога, если присесть.

Она вытянулась на земле; я взял её тут же, но не пошёл до конца. Я постарался успокоиться, несмотря на это проклятое возбуждение в низу живота; мне удалось доставить ей наслаждение прежде, чем я сам что-то почувствовал. В этот момент я заговорил с нею.

— Вам всегда так хорошо, когда вы спите с мужчинами с другим цветом кожи?

Она ничего не ответила. Она совершенно остолбенела.

— Потому что во мне одна восьмая негритянской крови. Она открыла глаза, а я рассмеялся. Она ничего не понимала. Тогда я всё ей рассказал; в общем, всю историю малыша, как он влюбился в девушку, и как отец и брат девушки занялись им; я объяснил, что хотел сделать с Лу и с нею, заплатив двум за одного. Я порылся в кармане, нашёл браслет Лу, показал ей его и сказал, что сожалею о том, что не смог привезти ей глаза сестры, но они были слишком повреждены после небольшой процедуры, изобретенной мною и проделанной над ней.

Мне было тяжело говорить всё это. Она была здесь, лежала на земле с задранной на живот юбкой. Я почувствовал, как что-то движется у меня вдоль спины, и рука моя сжалась на её шее, и я не мог этому воспротивиться; это подступило, это было так сильно, что я отпустил её и почти встал. Лицо у неё уже посинело, но она не двигалась. Она дала себя задушить, ничего не сделав. Она, наверное, ещё дышала. Я

вынул из кармана револьвер Лу и всадил ей в упор две пули в шею; кровь брызнула ключом, медленно, рывками, с влажным шумом. Под веками её можно было увидеть тонкую белую полоску; она как-то передернулась, думаю, именно в этот момент она умерла. Я перевернул её, чтобы не видеть больше её лица и, пока она была ещё теплая, я сделал с нею то, что уже делал у неё в спальне.

Я, наверное, потерял сознание после этого; когда я пришёл в себя, она была совершенно холодная, и её невозможно было сдвинуть с места. Тогда я бросил её и вернулся к машине. Я с трудом волочил ноги, что-то блестящее проносилось перед моими глазами; когда я сел за руль, то вспомнил, что виски — в нэше, и моя рука опять начала дрожать.

Глава XII.

Сержант Каллог положил свою трубку на письменный стол.

— Мы не сможем арестовать его, — сказал он.

Картер покачал головой.

— Можно попробовать.

— Невозможно, имея лишь два мотоцикла, арестовать типа, который делает сто миль в час на тачке весом в восемьсот кило!

— Можно попробовать. Мы рискуем собственной шкурой, но можно попробовать.

Бэрроу пока ничего не сказал. Это был высокий парень, черноволосый, тонкий, нескладный, с тягучим акцентом.

— Я тоже так думаю, — сказал он.

— Едем? — сказал Картер. Каллог посмотрел на них.

— Парни, вы рискуете шкурой, но получите повышение, если вам это удастся.

— Нельзя позволить проклятому негру предать всю страну огню и мечу, — сказал Картер. Каллог ничего не ответил и посмотрел на часы.

— Сейчас пять часов, — сказал он. — Они позвонили десять минут назад... Он должен проехать через пять минут... если проедет, — добавил он.

— Он убил двух девушек, — сказал Картер.

— И владельца гаража, — добавил Бэрроу.

Он проверил, на месте ли кольт, которому надлежало болтаться в районе ляжки, и направился к двери.

— За ним уже следуют, — сказал Каллог. — Судя по последним новостям, они не отстают. Одна машина, заправленная бензином высшего качества, уже выехала, будет ещё одна.

— Лучше бы нам уже отчалить, — сказал Картер. — Садись позади меня, — сказал он Бэрроу. — Возьмем один мотоцикл.

— Это не по правилам, — запротестовал сержант.

— Бэрроу умеет стрелять, — сказал Картер. — А если едешь один, не можешь и вести, и стрелять.

— Что ж, выкручивайтесь, как знаете! — сказал Каллог. — А я умываю руки.

Индиан резко тронулся с места. Бэрроу вцепился в Картера, а тот чуть не взлетел. Он сел спиной к спине Картера, они привязались друг к другу кожаным ремнем.

— Замедли, как только выедем из города, — сказал Бэрроу.

— Это не по правилам, — проворчал Каллог почти в то же время и меланхолично посмотрел на мотоцикл Бэрроу.

Он вскинул плечи и вернулся на пост. Почти сразу опять вышел и увидел, как удаляется задний бампер большого белого бьюика, пронесшегося мимо в грохоте мотора. А потом он услышал сирены и увидел пронесшиеся мимо четыре мотоцикла — так значит, их было четыре, — и машину, вплотную следовавшую за ними.

— Б...ская дорога! — пробурчал Каллог.

На сей раз он остался стоять снаружи. Он слышал, как постепенно стихал рев сирен.

Глава XXIII.

Ли непрерывно двигал челюстями. Его правая рука нервно теребила руль; всем своим весом он налегал на акселератор. Глаза его налились кровью, пот струился по лицу.

Белокурые волосы слиплись от пота и пыли. С трудом различал он шум сирен позади себя, когда прислушивался, но дорога была слишком плоха, чтобы они стали стрелять в него. Прямо перед собой он заметил мотоцикл и свернул влево, чтобы обогнать его, но мотоцикл сохранял дистанцию, а ветровое стекло его машины вдруг покрылось трещинами и в лицо ему ударили осколки стекла — мелкие кубики. Мотоцикл был почти неподвижен по отношению к бьюику, и Бэрроу целился столь же тщательно, как при стрельбе на стенде. Ли увидел вспышки второго и третьего выстрелов, но пули не достигли цели. Теперь он старался ехать зигзагами, чтобы увернуться от выстрелов, но ветровое стекло покрылось новыми трещинами, на сей раз — ближе к его лицу. Он чувствовал, как с силой врывается воздух в кабину через аккуратную круглую дырку, проделанную куском свинца, какой может выплюнуть 45 калибр.

А потом у него появилось ощущение, что бьюик увеличивает скорость — он приблизился к мотоциклу, но тут же понял, что, напротив, это Картер замедляет ход. На губах его появилась неопределенная улыбка, а нога легко приподнялась с акселератора. Между машиной и мотоциклом оставалось около двадцати метров, пятнадцать, десять — Ли опять нажал на акселератор. Он увидел лицо Бэрроу совсем близко и подскочил от удара пули, попавшей ему в правое плечо; он обогнал мотоцикл, стиснув зубы, чтобы не выпустить руль; лишь бы очутиться впереди —

тогда он ничем не рискует. Дорога сделала резкий поворот и дальше пошла по прямой. Картер и Бэрроу по-прежнему висели у него на задних колесах. Несмотря на амортизаторы, теперь все члены его до предела утомленного тела ощущали малейший толчок. Он взглянул в зеркало заднего вида. В поле зрения были лишь эти двое, и он увидел, как Картер замедляет ход и останавливается на обочине, чтобы Бэрроу уселся нормально, потому что они не могли теперь подвергать себя риску и ещё раз пытаться обогнать его.

Дорога раздваивалась, справа в ста метрах по движению Ли заметил какое-то строение. Продолжая наращивать скорость, он бросил машину через свежевспаханное поле. Бьюик резко подскочил и повернулся на сто восемьдесят градусов, но Ли удалось выровнять его под стон металлических деталей, и он остановился перед ригой и добрался до двери. В обеих руках он ощущал теперь колющую боль. В левой руке стало восстанавливаться кровообращение, и эта по-прежнему привязанная к туловищу рука заставляла его то и дело вздыхать от боли. Он направился к деревянной лестнице, что вела на чердак, и вцепился в столбики перил. Он чуть не потерял равновесие, ему удалось, невероятно изогнувшись, удержаться на ногах; он вгрызся зубами в толстый цилиндр шершавого дерева. Он остался на полдороге, задыхаясь; в губу впились занозы. Он понял, до какой степени стискивал челюсти, когда ощутил во рту этот вкус соленой горячей крови, той горячей крови, которую он пил из тела Лу, меж её надушенных бёдер — надушенных французскими духами совсем не для её возраста. Он опять увидел изувеченный рот Лу, и её

юбку, заляпанную кровью, и опять что-то блестящее заплесало перед глазами. Медленно, мучительно он поднялся, цепляясь за столбики, ещё немного, и вой сирен раздался снаружи. Крики Лу поверх воя сирен, и это двигалось и оживало вновь в его голове, он опять убивал Лу, и то же ощущение, то же наслаждение охватили его, когда он добрался до пола чердака. Снаружи шум утих. С трудом, не прибегая к помощи правой руки, малейший жест которой теперь причинял ему муку, он подполз к слуховому окну. Перед ним, покуда хватало глаз, простирались жёлтые поля. Садилось солнце, и легкий ветер шевелил траву у дороги. Кровь текла в его правом рукаве и вдоль туловища; силы понемногу таяли, а потом он начал дрожать, потому что к нему вернулся страх.

Полицейские окружили ригу. Он услышал, как они зовут его, и рот его широко открылся. Ему хотелось пить, он обливался потом, и ему захотелось выкрикнуть им в ответ ругательства, но горло его пересохло. Он увидел, как кровь растеклась лужицей возле него, подкатила к колену. Он дрожал, как лист на ветру, и стучал зубами, и когда на ступенях лестницы раздались шаги, он начал выть; сначала это был глухой вой, который стал расти и крепнуть — он попытался достать из кармана револьвер, и это удалось ему ценой невероятного усилия. Тело его впечаталось в стену, как можно дальше от отверстия, где должны возникнуть люди в синем. Он удерживал револьвер, но стрелять не мог.

Шум прекратился. Тогда он перестал выть, и голова его упала на грудь. Он неясно различал какое-то движение; прошло какое-то время, а потом пули пронзили его бедро;

тело его расслабилось и медленно осело. Струйка слюны протянулась из его рта к грубому полу риги. Веревка, поддерживавшая его левую руку, оставила на ней глубокие синие следы.

Глава XXIV.

Люди из деревни всё-таки повесили его, потому что он был негр. Под брюками низ его живота был всё ещё одной большой шишкой, вызывавшей смех.

• • • •

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

I-XXIV

(пер. Лилиана Зиновьевна Лунгина)

• • •